

Клуб рассказчиков

Валерий КРЫЛОВ

ПЕРВОЕ ГРЕХОПАДЕНИЕ, ИЛИ ПОЧТИ НЕДЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

Нередко людям, добившимся несомненных и вполне заслуженных успехов в жизни, задают, ставший уже сакраментальным, вопрос: «Как бы вы прожили свою жизнь, если бы начать её с начала?». Большинство, для приличия немного подумав, с неизменным пафосом отвечают: «Я прожил бы её точно также!». Ох, что-то не верится... Так уж ничего не хотелось бы изменить и поправить? А народная мудрость гласит: безгрешных людей не бывает. И потому, мне думается, в подобных ответах присутствует изрядная доля лукавства. Неужели, окунаясь в глубины памяти – хранилище наших поступков, мыслей и чувств – не найдётся чего-то такого, о чём придёт сожалеть? Уверен – найдётся.

И вот, как-то перебирая книги в шкафу, я добрался до самой верхней полки, куда не заглядывал, не помню, сколько лет. Там хранились любимые книги моей юности и молодости. Почти все они были изрядно потёрты и потрёпаны, и на многих корешках невозможно было прочесть название, но и без названий я их знал все наперечёт. Несколько раз у меня возникало желание отдать их какой-нибудь библиотеке, так как знал, что вряд ли буду их перечитывать заново, но всякий раз меня что-то останавливало, и я откладывал своё решение.

Перебирая пальцами корешки, я вынул из плотного ряда одну из книг. Она, в отличие от других, красиво переплетена, и её блестящая дерматиновая обложка небесного цвета – девственно чиста. Я тотчас узнал эту книгу, как знал и то, что лежит между её страницами.

И я с грустью подумал: за давностью

лет мы многое прощаем себе, вот только не знаем – простили ли нас...

Последние годы своего детства я провёл в небольшом посёлке лесорубов, потерянном, как мне тогда казалось, на самом краю земли. Куда ни глянь – берёзы и осины. И болота – глухие, непроходимые, заросшие камышом и осокой в человеческий рост. А по краям болот – тальниковые заросли и сучковатые вербы. Знал я и другое название этих мест: урман. Что-то зловещее и дремучее слышалось мне в этом слове...

После звонкого и чистого соснового бора на берегу Уени, где мы жили раньше – этот сырой болотистый край с несметными полчищами гнуса показался нам сущим адом. Воды в округе, как говорится, по самые ноздри, а ближайшая речушка – Черновка (по названию деревеньки, рядом с которой она протекала) – за десять километров. Не знаю, как взрослых, но нас, ребят – это обстоятельство удручало в первую очередь. И поплавать охота, и порыбачить, да разве набегашься в такую даль! Но раза три-четыре за лето мы всё-таки выбирались с ночевкой половить на удочки пескарей и гальянов.

А в долгие зимние месяцы становилось ещё тоскливее. Казалось, что вокруг, на многие вёрсты, нет ничего живого. Всё в чёрно-белых тонах: от засыпанных снегом полей и болот – до берёз, осин и кустарников. Словно кто-то поспешил на краски и наспех нарисовал здешние места простым карандашом на белом листе бумаги.

... Но люди ко всему привыкают, по-

степенно привыкли и мы. Нашлись и в этом берёзово-осиновом краю свои неожиданные радости. В подлесках – заросли смородины и малины, на полянах – клубники красно, а начинается грибная пора – грибы хоть литовкой коси. И всё под боком, за огородами. А весной... Такое диво в сосновом бору не встретишь. Иной раз выйдешь из какого-нибудь колка – и ахнешь! От края и до края горит поляна ярко-оранжевым пламенем – это огоньки цветут, боязно ногой ступить – обожгут ненароком. Чуть подальше – полянка медуниц; не полянка – озерко синее, так и хочется ладонями зачерпнуть. Но нарвёшь пучок, нащиплешь соцветий – и в рот, а вкус у них медовый, пахнут они полем, тёплым вешним ветром и ещё Бог знает чем! Весной и летом мы ели и жевали всё, что только лезло из земли, и было съедобным. И никакая хворь нас не брала, хотя едва стает снег, уже носились босиком.

... В тот день, когда началась эта история, была моя очередь встречать нашу корову Дуську из стада, а Тоне – моей сестре – поливать в огороде грядки. Завтра мы с ней поменяемся местами. Корову встречать и грядки поливать не самые трудные из домашних дел, но если ими заниматься изо дня в день, надоедают. Вот мы и решили ещё в прошлом году, для разнообразия, установить очерёдность. Конечно, она не всегда соблюдалась (то у меня, то у Тони находились свои какие-нибудь дела), но всё же старались придерживаться. А через неделю и корову встречать, и грядки поливать придётся мне одному: Тоня уезжает в город учиться в техникуме. Да и поливать особо-то нечего: огурцы отходят, помидорам много воды уже не надо, остаётся капуста – она всегда водичку любит. Кроме Тони, у меня ещё две сестры. Самая старшая Катя три года назад уехала в город, там вышла замуж и теперь продаёт мороженое в кинотеатре. Когда я узнал об этом, то удивлению моему не было предела: как это – смотреть кино и есть мороженое? Ладно, мы втихомолку, чтобы уборщица не заметила, щёлкаем семечки в клубе, но семечки семечками – они бесплатныё, а тут – мороженое! Получается два горошка на ложку. Ничего себе! Мать на кино-то едва-едва наскребёт... О мороженом я читал в книжках и слышал от пацанов, которые побывали в городе, но что оно собой представляет и каково на вкус, мне неизвестно. Говорят, вкуснятина – пальчики оближешь! А может, и там его не все едят? Кто знает...

Средняя из сестёр Зина живёт пока с нами, но вряд ли надолго засидится в девках: она у нас самая красивая, боевущая

и уже сейчас от женихов отбоя нет. Работает она почтальоном, и, если ей некогда, а это случается не так уж редко, мне приходится разносить письма и газеты по всему посёлку. Ничего, и с этим справляюсь. Зато знаю в посёлке всех наперечёт, и меня все знают как облупленного.

Вот такая наша семья: мама, три девочки и последний я – пацан. Отец ушёл на фронт, когда я должен был вот-вот родиться. Он так и не увидел меня – погиб в 1942-ом году. А как он ждал сына! Я узнал об этом из его писем с фронта, которые зачитывал до дыр. Он писал: «Наконец-то у нас мальчишка. Знаешь, Лиза, если что случится со мной – не страшно, есть, кому продолжить наш род. Берегите его...».

И вот иду по дороге, плюю разбитыми ботинками, которые давно «просят каши», а вокруг тихо, пустынно, только свиньи хрюкают в глубоких, не просыхающих за лето, кюветах, да у плетней копошатся куры. Вторая половина августа, конец дня, а теплынь такая, какой и в июле не увидишь. «Это нам боженька помогает» – пошутила сегодня мама. Мы этим летом немного припозднились с покосом и горевали, что не успеем управиться до дождей. Но теперь точно успеем посуху. Сегодня мы сгребли и скопнили последнее сено, а назавтра наметили сметать стожок. Вернувшись с покоса, я по пояс наскоро ополоснулся водой из большой кадки, стоявшей в огороде, похлебал крошки и пошёл за Дуськой.

Посёлок небольшой, дворов тридцать, но вытянут вдоль рейдерной дороги не менее, чем километра на три, причём, с крутыми поворотами. Из-за болотистой почвы дорогу прокладывали там, где выше и суше, и тянется эта дорога до самых вырубок. По обеим её сторонам, повторяя изгибы, разбросаны дома и усадьбы. Впрочем, какие там дома! – избушки... С первого взгляда видно: не на века построены. Рублены они на скорую руку из плохо ошкуренных берёзовых брёвен, у некоторых даже углы, как следует, не опилены и почти все крыты берёзовым тёмсом; тёмс быстро чернеет и вскоре прорастает зелёными разводами мха. А ради чего стараться, если жить в этом доме от силы пять-шесть лет? Вот вырубят отведённые лесхозом деляны – и посёлку конец. И придётся лесорубам с семьями, с домашним скарбом и животинкою переселяться на новые места. За свои пятнадцать лет я сменил уже три посёлка подобных этому.

...Из-за поворота показался лесовоз, за ним стелился, отяжелевший к вечеру, серый шлейф пыли. Пропуская его, я сошёл на обочину, но он притормозил око-

ло меня, и из кабины высунулась кудрявая голова Ромки Васильева – ухажёра Зины.

– Коля! – крикнул он мне. – Передай Зине, что на вечерку не успею. Пусть не ждёт, ладно? Обязательно передай!

– Ладно, передам, – сказал я, и, загруженный лесом ЗИС-151 с прицепом, обдав меня горячим, смешанным с бензиновой гарью воздухом, продолжил свой путь. Я даже почувствовал, как под ногами прогнулась земля.

Берёзовые хлысты на прицепе, с обрубленными сучьями и ветками, казались неестественно длинными; ободранная стальными тросами кора слезилась соком, а под корой, похожая на голую кость, желтела древесина; тонкие верхинки, свисающие с прицепа, раскачивались и пружинили в такт ухабам. Отгуляли берёзки своё, отшумели. Сколько таких уже вывезено из леса, а всё везут и везут...

За поворотом – контора лесоучастка. По размерам она уступает школе и клубу, но зато срублена в два этажа. Это наша достопримечательность. Говорят, нигде в округе такой нет. На первом этаже – квартиры начальника участка, бухгалтера и завгаражом, а на втором, куда ведёт наружная лестница, – несколько кабинетов. У конторы я увидел осёдланную лошадь начальника участка, привязанную к скобе, вбитую прямо в стену. На этой лошади начальник каждый день объезжает деланки, где работают лесорубы. Рядом на лавке сидят несколько мужиков, и, о чём-то неторопливо разговаривая, густо дымят махрой.

Неподалёку от конторы, в окружении развесистых берёз, расположилась танцплощадка с дощатым полом, с лавочками и перилами. Сейчас на ней пусто, но позднее, ближе к сумеркам, когда управятся по хозяйству, подтянется молодёжь и начнутся танцы под аккордеон или гармошку, а иногда и под патефон. Молодёжи в посёлке ещё хватает: в каждой семье редко трое, а в основном – четверо, пятеро ребят.

К танцплощадке примыкает некое подобие спортивного городка: перекладина, гимнастическое бревно из ошкуренной берёзы, растянутая на двух столбах дырявая волейбольная сетка – вот и все спортивные сооружения. В лапту, в городки и прочие ребячьи игры мы ходим играть в другое место. Сразу за нашим огородом есть поляна раза в три больше этой – вот там есть, где развернуться. Частенько к нам навещают парни и повзрослее нас, а по выходным дням да праздникам и матёрые мужики заглядывают. Ризматься, как они говорят, и молодые годочки вспомнить. А уж если разыграют-

ся, особенно в лапту, команда на команду, войдут в раж и о кино, и о танцах забывают. Посмотреть на такие забавы, другой раз, половина поселка собирается.

...Дорогой я вспомнил, что надо бы зайти к Серёжке Кузьмину, моему однокласснику – это по пути. Дом их стоит на окраине, и отец Серёжки – дядя Зена – знаменитый на всю округу пилоправ, должно быть, уже наточил мою ножовку. Лесорубы с уважением говорили: после его заточки пилы не пилят, а поют. Хороший мужик дядя Зена – никому никогда не откажет. Тётка Варвара, его жена и мать Серёжки, ворчит другой раз: «Всё ширкаешь, ширкаешь, хоть бы какую копейку в дом». А дядя Зена, высокий сутуловатый мужик с рыжеватой щетиной на морщинистых щеках, или промолчит, или, не выдержав, скажет: «Побойся Бога, Варвара! Я что, с них последнее рвать буду?». Это верно: двуручные пилы, «лучки», ножовки несли затачивать в основном те, у кого мужиков в доме не было. Как у нас, например.

Он знал моего отца, до войны они вместе работали и вместе уходили на фронт. Только дядя Зена вернулся домой после тяжёлого ранения (он и сейчас прихрамывает), а отец погиб. Всякий раз, увидев меня, дядя Зена повторяет почти слово в слово: «Ну, ты погляди-ка, ну вылитый Антон! Ну, как две капли!». А потом обязательно спросит: «Как там мать, как девочка?» – и взъерошит своей тяжёлой шершавой ладонью мои вихры. В его голосе мне почему-то всегда слышались, как бы, извинительные нотки: я вот, мол, жив, здоров, а твой отец там остался. А возможно, мне это только казалось.

С Серёжкой мы учимся в одном классе и сидим за одной партой. Он старше меня, но в четвёртом и пятом оставался на второй год, и я догнал его. Хотя и мне пришлось дважды ходить во второй класс.

Скарлатина – заразная болезнь, но почему она выбрала меня, единственного из всей школы – осталось загадкой. Около месяца я провалялся в больнице в соседнем селе (в посёлке был только фельдшер), потом просидел дома на карантине ещё месяц, и, как ни плакал, как ни умолял маму и учительницу, в школу меня в тот год не пустили. А потом посёлок расформировали (закончились вырубки), и наша семья вместе с другими семьями, в том числе и с Кузьмиными, переселилась сюда.

Здесьняя ребятня, почитавшая себя хозяевами всей округи, встретила нас почему-то враждебно (как будь-то мы у них что-то отнять хотели), часто задиралась и не допускала в свои игры. Иногда возникали и стычки. Нам ничего не оставалось делать, как держаться вместе, что-

бы на случай дать отпор. Верховодил нами Серёжка, как самый старший среди нас и самый сильный.

Но не прошло и года, распри постепенно утихли, синяки и шишки зажили, наступил мир, и игры стали общими. А с Серёжкой мы продолжали дружить; я частенько бывал у них в доме и даже иногда оставался ночевать, если допоздна заигрывались. Но с начала нынешнего лета встречаемся реже и реже. За последний год он здорово изменился: неожиданно быстро вымахал в росте (стал едва ли не на голову выше меня), забасил и, посчитав себя взрослым, перестал приходить на наши игрища. А уж материться стал просто виртуозно! И откуда только нахватался? Хотя при желании нахвататься можно: матерятся в посёлке почти все мужики, часто не замечая, ни женщин, ни детей. А ему и вовсе далеко ходить не надо: тётка Варвара, характером вздорная и сварливая, держащая всю семью в ежовых рукавицах, иной раз так запустит матом, что впору уши затыкать! И на руку очень даже скорая. Если при отце Серёжка курит почти в открытую, то при матери – ни-ни. О таких, как тётка Варвара, в посёлке говорят: гром-баба!

Ещё в позапрошлом году директор школы прихватил в туалете Серёжку, меня и ещё четверых ребят из других классов с сигарками. Чего греха таить, и я иногда покурил за компанию с другими. Привёл нас директор в школьный зал, именуемый «актовым» (там проводились школьные линейки, разные мероприятия, а зимой – занятия по физкультуре), выстроил вдоль стены и сказал:

– Будете, курильщики мои, стоять, пока родители не придут с работы, – и ушёл в учительскую.

Иван Григорьевич был директором строгим, принципиальным и поплажек никому не давал. На фронте воевал офицером-танкистом, горел в танке, после чего рука его не сгибалась в локте, и держал он её всегда прижатой к животу. Он вёл историю и географию и часто рассказывал нам о войне, а когда очень уж просили, приносил показать свои ордена и медали. Мы уважали его, как и любого фронтовика в посёлке, а как единственного офицера – тем более, и потому безропотно принимали от него любые наказания. Впрочем, понапрасну он не наказывал.

На каждой перемене школьный зал наполнялся детворой; девчонки хихикали, показывали нам языки, а мальчишки, похоже, завидовали: мы враз стали знаменитыми на всю школу и в глазах некоторых выглядели не только героями, но и

жертвами. Учителя, проходя мимо, укоризненно покачивали головами.

Тот факт, что мы оказались в центре внимания всей школы, какое-то время вдохновлял нас стоически переносить наказание, но время шло, ноги деревенели, и стена, у которой мы стояли, магнитом притягивала к себе. Даже Серёжка, вначале дерзко поглядывающий вокруг, а иногда и выбегавший из строя, чтобы дёрнуть за косы дразнящих нас девчонок, стал заметно скисать.

Наконец, тётка Маша, школьная уборщица, заглянула в зал, посмотрела на звонко тикающие над нашими головами ходики, в очередной раз сочувственно покачала головой и пошла по коридору, названивая в бронзовый колокольчик. После шумной толкотни ребят в раздевалки, школа постепенно опустела и затихла. Последними ушли учителя, разумеется, кроме Ивана Григорьевича. И только потом начали подходить родители. Отцов не было – пришли матери, как приходили они всегда на родительские собрания и прочие, подобные этому, вызовы в школу. Пришла и моя мама, посмотрела на меня с укором и присела рядом с другими на лавку. Самой последней заявила тётка Варвара, а вернее – ворвалась. Она тяжело дышала и, как саблю, держала в руке полуметровый резиновый шланг. Прямо с порога она кинулась к Серёжке.

– Ах, ты паразит проклятый! Меня позорить! Семью позорить! Я тебе покурю!

Серёжка, видя, что дело принимает крутой оборот, рванул из строя и спрятался за центральный столб, подпирающий потолок зала. Тётка Варвара – за ним. Раза три они оббежали вокруг столба, пока на шум не вышел Иван Григорьевич. Увидев происходящее, он поспешил на выручку Серёжке и здоровой рукой перехватил шланг.

– Варвара Тимофеевна! Ну не надо же так! – воззвал он к её разуму, – Дома будете наказывать. Здесь школа, нельзя.

Успокоив разбушевавшуюся мать, и, отправив Серёжку на место, Иван Григорьевич долго говорил с родителями о вреде курения, о влиянии никотина на детский организм, а в конце своей речи посоветовал чаще проверять наши карманы, а ещё лучше – зашить.

Мама в этот раз меня не наказала, хотя раньше иногда жаловала ремешком для порядка. Однако взяла с меня честное слово: пока сам не начну зарабатывать – курить не буду. А Серёжке дома досталось: он всю неделю ёрзал за партой в поисках безболезненного положения и на любое сочувствие шипел сквозь зубы неразборчивыми матерками.

... Ещё издали я увидел за последни-

ми домами на вытопанной полянке, поросшей редкими кустиками травы, несколько пацанов и девчонок, в том числе, и из нашего класса. Они, как и я, пришли встречать коров и, в ожидании стада, играли в догоняшки.

– Чур, на новенького! – крикнул мне кто-то из девчонок, но я уже заметил Серёжку Кузьмина и направился к нему.

Серёжка сидел на бревне у своей калитки и курил открыто, не прячась, а это означало, что взрослых в доме не было. Я поздоровался с ним за руку и присел рядом. Он сильно походил на отца: такой же рыжеволосый и длиннолицый, а вот глаза от матери – нагловатые, с хитринкой. Он откусил от папиросы часть бумажного мундштука, сплюнул и протянул мне:

– Zobнешь?

– Нет, – я отрицательно помотал головой, – не буду.

– Всё ещё слово держишь? Ну, как хочешь, – он глубоко, по-мужски, затаился. – Чего не заходишь-то? Богатый стал?

– Покос – сам знаешь. Завтра пойдём последний стог метать.

– Мы уже откосились, дрова вот колю, – он кинул взгляд в сторону двора. – Вчера братан чурки привёз, надо поколоть, пока сырые, а то потом не добудешь.

Я согласно кивнул: такая работёнка и мне знакома, как знакома каждому мальчишке в посёлке, с малых лет привыкших к топору.

Серёжка докурил папиросу и каблуком сапога вмял окурок в землю. Он пожевал что-то во рту, видно, табачнику, и длинно сплюнул в сторону играющих ребят:

– Смотри, как разбесились! Во дают! А девки – тёлки и тёлки! «Бзык» напал на них, что ли? Аж, припотели бедняги.

На деревенском языке «бзык напал» – это, когда молодые телята без видимой причины вскинут хвост трубой, взлягнут задом и давай носиться кругами! Сравнение девчонок с тёлками мне не понравилось. И вообще, в последнее время Серёжка стал частенько отпускать в их адрес всякие двусмысленные шутки, изображая из себя бывалого парня, прошедшего огни и воды.

– Скажешь тоже... – буркнул я, – Какие они тебе, тёлки?

– А, кто же ещё? Тёлки и есть. Только сопливые ещё.

Я не стал с ним спорить и отвернулся. А ему, видно, нравились разговоры на такие темы.

– Зелёный ты ещё, Колька! – он пихнул меня локтем в бок, – Наверное, и девчонок не щупал?

– А сам-то щупал? – огрызнулся я.

– Спрашиваешь! Ещё как!

– Ну, и как?

– Известно как – за сиськи, – и он расхохотался, глядя на меня своими круглыми наглыми глазами.

– Дурак ты и больше никто! – сказал я и поднялся с бревна, но Серёжка ухватил меня за рукав и усадил обратно.

– Не обижайся, Колька, – дело-то житейское. Подожди, скоро сам будешь щупать, – он махнул рукой в сторону ребят. – Смотри, как Надька Шкурихина на тебя зыркает. Я ещё в школе заметил. Гля, какие мячики у неё под платьем – тебя дожидаются.

– Вот сам и щупай их!

– Пробовал – дерётся зараза! – и он опять раскатился громким смехом.

– Пошёл ты! – я окончательно разозлился и встал. – Городишь что попало! Больше не приду к тебе, понял!

– Подумаешь, какой благородный! Начитался книжек... Маленький сынок ты и больше никто! Иди, иди...

Разругались мы с Серёжкой, я и о ножовке забыл. Ладно, не к спеху. Перейдя дорогу, я не пошёл к ребятам, а остановился неподалеку и прислонился к одинокой берёзке с высоко обломанными ветками. Их обламывали все кому не лень, чтобы, ожидая стада, отмахиваться от комаров и мошки. Сейчас до них и не дотянешься.

Среди играющих ребят действительно была Надька Шкурихина – наша одноклассница. Как ни противны мне были слова Серёжки, я сам, того не желая, сейчас по – иному взглянул на неё.

Я редко видел Надьку с начала каникул: слишком много дел по дому свалилось на меня нынешним летом, а когда видел – не обращал особого внимания. А вот сейчас обратил: выгоревшие до льняного цвета волосы, лицо загорелое, обветренное, нос курносый и шелушится. Девчонка как девчонка – не лучше и не хуже других. Правда, она очень улыбочивая и, улыбаясь, обнажает удивительно белые зубы; они у неё мелкие и частые, и мне всегда казалось, что их не тридцать два, а гораздо больше. Платье на ней бледненькое, ситцевое; она из него выросла, и подол не прикрывает колени. А ноги – длинные и загорелые – все в ссадинах и царапинах. Выросла она за лето, что ли? Уже с меня ростом, если не выше. Быстро растут девчонки, наверное, быстрее пацанов – даже обидно! И Серёжка, паразит, прав: платье её очень даже заметно бугрится там, где и положено ему бугриться почти у каждой девчонки, стремительно приближающейся к девичеству. Только у Надьки, пожалуй, больше, чем у других. Фу! Даже пот прошиб! Заметив, что Надька перехватила мой взгляд, я почувствовал, что краснею, и быстро отвернулся.

Серёжки на бревне не было: он уже вовсю махал колуном во дворе, раскалывая чурки, и отполированное древесиной лезвие сверкало красноватым отблеском. Я посмотрел на закат: солнце уже садилось, красными были и облака, неровной полоской протянувшиеся над дальним лесом. Дождя только не хватало, подумал я, убратся бы с сеном, а там пусть себе поливает. На Надьку я больше не смотрел.

Из-за поворота донёлся перезвон коровьих ботал, и вскоре показались первые бурёнки. Шли они медленно и тяжело, опустив рогатые головы почти до земли. Но, завидев избы, идущая впереди корова подняла голову и протяжно замычала. За ней вразнобой замычало и всё разномастное стадо. В их мычании мне послышалось: «Вот и мы-ы-ы пришли – ваши кор-ми-и-лицы!».

Стадо вошло в деревню, над ним мельтешило густое облако комарья и мошкары; коровы лениво помахивали хвостами, то и дело удобряя пыльную дорогу пахучими лепёшками; воздух сразу же наполнился запахами коровьего пота и навоза. Заприметив нашу Дуську, я подобрал валяющуюся хворостину и по обочине пошёл следом за ней.

Хорошая у нас корова: красной масти. крупная и молока даёт много, но блудливая – страсть. Даже в деревне может свернуть не в свой проулок. В первый год, когда мы переехали сюда, пастух, не знакомый с её повадками, недоглядел и потерял Дуську в лесу. Стадо пришло, а нашей Дуськи нет. Мать к пастуху – тот руками разводит. Оставив меня и Тоню дома, мама, взяв с собой Катю и Зину, вместе с пастухом пошли её искать. А вечер был дождливый, слякотный, уже и стемнело совсем, а найти не могут, И только под утро, вымокнув насквозь, исходив все окрестности, обнаружили Дуську почти у самого посёлка в одном из колков. Мы с Тоней тоже не спали почти всю ночь, раз за разом выбегали на улицу и вглядывались в морозящую темень: не идут ли наши. Были случаи, когда от скотины находили рожки да ножки. Зверья, ещё не распуганного тракторами и машинами, в первые годы хватало. На этот раз обошлось. А потерять корову в нашем положении – это означало обречь семью на полуголодную жизнь.

С тех пор, отправляя Дуську в стадо, мать наказывала пастуху: «Ты уж присмотри, Иван Макарыч, за нашей блудней, а по осени я с тобой рассчитаюсь». «На том свете угольками, – ворчал Иван Макарыч – наш поселковый пастух. – Ты мне лучше чунь новые шей. Мои-то скороходы совсем развалились». Был он невысокого

роста, ходил в старой засаленной телогрейке, на голове – сплюснутая, потерявшая первоначальную форму, солдатская пилотка, а ноги его зимой и летом обуты в стёганные чуни с калошами. На его правом плече всегда висел длиннющий – метра четыре – бич. Плетёный из сыромятной кожи, у рукоятки толстый, он постепенно утончался и заканчивался тоненьким хлыстиком. Кнут волочился за ним по дороге точно змея, и мне всегда почему-то хотелось на него наступить. Некоторые пацаны попробовали, но потом долго чесали известные места. А бичом Иван Макарыч владел отменно. Как ахнет! – коровы приседают.– Кольк! А, Кольк! – услышал я голос Надьки Шкурихиной. Надька шла по другой стороне дороги, подгоняя берёзовой веткой корову и телёнка. Жила она неподалёку и вот-вот должна была свернуть в свой проулок.

– Чего тебе? – не слишком дружелюбно отозвался я, ещё не забыв, как она недавно своим взглядом вогнала меня в краску.

– Кольк, спроси у матери: не сошьёт она мне платье?

– Какое ещё платье?

– А такое, как у Гальки Щиры.

Стоило ей произнести это имя, как меня бросило в жар. «Вот зараза! Неужели догадалась?» – мелькнуло у меня в голове. А Надька хихикнула, блеснула мелкими зубами и поспешила за своей скотиной в проулок.

Галка Щира...

Я хорошо запомнил тот день, когда её семья появилась в нашем посёлке. А случилось это ровно год назад. В конце того августа на несколько дней зарядили дожди. Мама и я были дома, когда за окном несколько раз длинно просигналила машина. Мама выглянула в окно и сказала:

– Шофёр там рукой машет. Поди, узнай, что ему надо?

Я сунул ноги в сапоги и вышел на улицу. Моросил мелкий дождь, низкие серые тучи, без единого просвета, обложили небо до самого горизонта. Напротив дома остановился обляпанный грязью «газик» с цепями на задних скатах: без цепей на наших дорогах в такую погоду делать нечего. Шофёр, стоя одной ногой на подножке, рукой помаячил подойти поближе. Мне он не был знаком – своих я знал всех наперечёт, и машина не наша. Кузов её был заставлен какими-то вещами, прикрытыми брезентом; из-под брезента высовывались ножки стола и стульев. Опираясь руками на передний борт, в кузове стоял мужчина в дождевике с островерхим башлыком, лица его я не разглядел.

Я вышел за оградой, сделал попытку перескочить кювет, но поскользнулся и упал

на колени, погрузив обе руки в густую грязь. Из открытого окна кабины тут же раздался залихватский смех, и выглянуло девчончье лицо; рядом с девчонкой сидела незнакомая женщина. «Смешно им!» – с досадой подумал я, поднимаясь и стряхивая липкую грязь с ладоней.

– Эй, парень! – в голосе шофёра мне тоже послышался смех. – Где ваша контора? Куда сворачивать?

– Езжайте прямо! – разозлившись, крикнул я. – За поворотом контора.

Девчонка из кабины с любопытством разглядывала меня и улыбалась во весь рот.

Позднее я узнал, что из Пихтовки, где находилась главная контора леспрохоза, к нам прибыл новый механик, а механик в нашем посёлке – это второе лицо после начальника участка.

И каково же было моё изумление, когда первого сентября я увидел эту насмешницу в нашем классе!

Её звали Галя Щира.

Интересная девчонка – таких в нашем посёлке ещё не было. У неё были густые и вьющиеся темно-каштановые волосы, и тугие косы с бантами доходили почти до пояски. На смуглом лице особенно выделялись яркие серо-зелёные глаза, в которых постоянно вспыхивали весёлые огоньки. А на переносице и щеках неожиданно отчётливо проступали конопущки, но они нисколько не портили её лица, а, напротив, придавали ему озорной мальчишеский вид. Быстрый говорок, с лёгким украинским акцентом, был не привычен для наших мест, казался забавным и, в то же время, привлекательным.

Не прошло двух недель, как она быстро со всеми подружилась. И даже девчонки, всегда ревниво относящиеся к новеньким, считая их как бы своими соперницами, безоговорочно приняли Галку в свой круг. Особенно после того, как она научила их новым девчоночьим играм. О мальчишках и говорить не стоит: всем вдруг захотелось быть поближе к ней, дружить с нею, и вскоре для большинства ребят она стала «своим пацаном».

Со мной же творилось что-то непонятное. В первый день знакомства с классом она подошла ко мне и сказала: «А тебя я уже знаю. Ведь это ты упал передо мной на колени?». Никто ничего не понял, но все дружно рассмеялись, и это задело меня. «Тоже мне, принцесса нашлась! Не хватало ещё перед тобой на колени падать. Видел я таких принцесс!» – вызывающе ответил я и смерил её презрительным взглядом. И этой, на первый взгляд, пустяковой стычки оказалось достаточно, чтобы между нами пробежала кошка. Теперь, на любое обращение ко

мне, я отвечал ей либо грубостью, либо отворачивался, делая вид, что не слышу. «Бука какой-то!», – сказала она девчонкам, кивая в мою сторону, и больше не делала попыток со мной заговорить.

«Букой» я себя не считал и в кругу сверстников был не из последних. А что касалось игр в войну, тут мне и подавно не находилось равных. Я был для ребят, в каком-то смысле, консультантом по военным вопросам. Я много читал, читал за поем, иногда в ущерб урокам, и бывали случаи, когда учителя запрещали мне брать книги в школьной библиотеке. Особенно я любил читать о войне и лучше всех разбирался в родах войск, воинских званиях и в вооружении; мог из книг срисовать пистолет или автомат, а потом перенести на доску и выстругать деревянное оружие. Многие пацаны, говоря военным языком, были вооружены мною. Я также знал наперечёт всех юных героев войны – моих ровесников, и они были моими кумирами. Я завидовал им и в тайне жалел, что война давно закончилась, и что я не смогу отомстить фашистам за отца.

Нет, «букой» я не был – это она зря сказала.

Генка Тимохин, один из близких моих товарищей, с которым жили по-соседству и вместе ходили в школу и из школы, как-то сказал мне: «Колька, что ты с ней всю дорогу цапаешься? Нормальная девчонка. Не то, что некоторые, чуть заденешь – и в слёзы. А эта сама сдачи даст». «Пусть не задаётся», – сказал я, хотя и знал, что не прав. Уж кого-кого, а её-то вряд ли можно было считать задавакой. Пока стояли тёплые дни, Галка играла вместе с нами в лапту, в городки и даже в такие игры, на которые не каждый мальчишка отважится. «Тарзанить», например. Посмотрев трофейный фильм «Тарзан», мы привязывали к макушкам берёз верёвки и, раскачиваясь, как можно сильнее, перелезали с одного дерева на другое, рискуя ободраться о сучья или того хуже – грохнуться на землю. Галка и этому научилась. Посмотришь на неё: в лёгкой курточке, в чёрных сатиновых шароварах с резинками у щиколоток – пацан и пацан. А в школе на уроке могла встать и заявить: «Мария Гавриловна, я вчера пробегала и не успела ваш урок выучить. Вы меня сегодня не спрашивайте, а завтра я вам обязательно отвечу». Учителя только руками разводили.

Генка, конечно, прав, но я уже ничего не мог с собой поделать – закусил, как говорится, удила.

И ещё одно немаловажное обстоятельство удерживало меня от неё на расстоянии. В послевоенные годы наша семья жила очень даже бедно. Девчонок

мама ещё могла как-то принарядить – девчонки всё-таки! А мальчишке что надо: штаны да рубашку. Так что по сравнению с Галкой – чистенькой, ухоженной, в наглаженном платье и фартучке, с шёлковым алым галстуком на шее, – я выглядел настоящим оборванцем. Стиранные и перестиранные брюки с пузырями на коленях, рубашка, заштопанная на локтях, подбитые растоптанные валенки, разбитые ботинки, доставшиеся от сестёр, – вот мой повседневный наряд. И моё нежелание сойтись с ней ближе, моя грубость, моя отчужденность – были, в какой-то степени, и защитной реакцией.

Шли дни... С Серёжкой мы сидели на последней парте, а Галка – парты на три впереди по другому ряду. И вот однажды, уже после первой четверти, я поймал себя на том, что слишком часто смотрю в её сторону. Стоило мне оторвать взгляд от книжки или тетрадки, как перед глазами оказывалась её аккуратная головка с ровным пробором в волосах, смуглая шея с ямочкой, маленькое ухо с проколотой, видно, под серёжку, мочкой. Эту алую, пронизанную солнцем, мочку мне иногда, до зуда в пальцах, хотелось потрогать. Потом я стал загадывать, какого цвета ленточку она вплетёт в косы на следующий день? Их она меняла часто, и я был счастлив, когда угадывал.

Однажды – уже зимой – я не увидел её за партией на первом уроке и подумал, что она опоздала, но она не появилась и на втором. В конце занятий выяснилось, что Галка простудилась и заболела. Её не было в школе всю неделю, и вся эта неделя показалась мне необычайно длинной и скучной. Ребята ходили её проведать, звали меня, но я, верный своим принципам, отказался.

Но вот она появилась в классе, и всё окружающее меня неожиданно засияло новыми красками, хотя, в сущности, ничего не изменилось: та же, истёртая до серых проплешин классная доска, те же скрипучие, облитые чернилами, парты, обшарпанный пол, замёрзшие, слабо пропускающие солнечный свет, окна. И я внезапно услышал, как в груди моей часто-часто затучало сердце, а жаркая кровь прилила к щекам. Мои губы, вдруг непроизвольно, сами собой, растянулись в глупой улыбке. Я уткнулся головой в парту, чтобы никто не увидел моего лица, и никто не услышал стук моего сердца. Однако Серёжка толкнул меня локтем в бок и спросил:

– Ты что, заболел? Красный весь!

Я ничего не ответил, и только после того, как немного справился с волнением, поднял голову. Ребята и девчонки обступили Галку со всех сторон, засыпая её

вопросами. Немного осунувшееся после болезни лицо её раздурманилось, было видно, что Галка растрогана всеобщим вниманием и, смущённо улыбаясь, едва успевала отвечать на вопросы. Вдруг мы встретились с ней взглядами, и я, неожиданно для самого себя, кивнул ей, как бы здороваясь. Она в недоумении вскинула брови, но всё же ответила быстрым кивком и отвернулась.

К тому времени я прочитал уйму книг и не только детских, и, немного поразмыслив, пришёл к неутешительному для себя выводу: я влюбился! Влюбился так, как может влюбиться только пятнадцатилетний мальчишка впервые в жизни.

Но почему в неё? Были в нашей школе и в нашем классе другие девчонки ничуть не хуже. Рая Жинкова, например, дочка директора школы. Красивее Галки – это точно. Отличница по всем предметам, причём заслуженно – тут не придерёшься, но к ней и на три метра подойти боязно: холодом так и несёт. Взять ту же Надьку Шкуруихину – ничего девчонка. Я и без Серёжки давно заметил, что она ко мне не совсем равнодушна: то классную доску вместо меня вытрет, когда я дежурю, то за пособиями в учительскую сбегает, то место в клубе займёт перед началом сеанса, или ещё что-нибудь по мелочи. Но разве учащается сердцебиение при её виде, разве перехватывает дыхание от случайного прикосновения? Нет, же этого! А с Галкой совсем иначе. И я уже начинал корить себя за свою излишнюю строптивость и упрямство.

Прошёл и Новый год, а отношения наши не менялись. Да и о каких отношениях может идти речь, если их не было вовсе. Я, правда, перестал ей дерзить, но по-прежнему держался на расстоянии: не дай Бог, догадается о моих тайных мыслях – и что тогда? Ничего другого, кроме насмешек, я ожидать от неё не мог.

И вот, однажды, мы большой компанией шли домой из школы после затянувшегося классного собрания. Я немного отстал; на улице было темно и тихо, и зыбкий лунный свет едва освещал утонувшие в сугробах чёрные срубы домов; над печными трубами почти вертикально поднимался белёсый дымок. А над головами висело небо: тёмное, непроницаемое, с яркими крупными звёздами – оно мне показалось таким близким, что, вдруг, подумалось: это и не небо вовсе, а огромный чёрный купол, накрывший нашу, затерявшуюся в снегах, деревушку, и, что мы под ним – одни-единственные на всём белом свете. Мне стало отчего-то тревожно и жутко, и я бегом бросился догонять ребят.

От крепкого мороза снег шумно скри-

пел под валенками, когда мы гуськом шли по тропинке от школы к дороге. А выйдя на неё, как обычно, раздурились, подставляя друг другу подножки, валяясь в снегу. Недавно дорогу расчистил грейдер, и по обочинам образовались высокие отвалы рыхлого снега. Кто-то подставил Галке подножку, она упала, но тотчас вскочила и, решив, что это сделал я, так как был рядом, бросила портфель, обхватила меня обеими руками и завалила в сугроб. Я не сопротивлялся, а она, сидя на мне верхом, распяла мои руки в разные стороны и, часто дыша в лицо, угрожающе сказала:

– Будешь ещё подножки ставить? Будешь?

Я лежал, молчал и смотрел на неё. Я ещё никогда так близко не видел её лица. Даже в темноте были видны горящие глаза, пушистые ресницы, прихваченные на кончиках инеем, и полуоткрытые губы, из которых вместе с паром вырывалось горячее дыхание, обжигающее мои щёки. В ту минуту мне хотелось только одного: пусть эти мгновения длятся вечно!

Кто-то из ребят крикнул: – Вы, что там, целуетесь? – И все засмеялись.

А Галка пристально-пристально посмотрела на меня, потом быстро вскочила и, отвернувшись, начала стряхивать с себя снег. Подобрав портфель, она сказала:

– Хлопцы, хватит баловать! Пора до хаты – мамка ругаться будет.

И, не дожидаясь никого, бегом припустила домой.

На следующий день я то и дело наталкивался на её изучающий и в то же время вопрошающий взгляд; он как бы спрашивал: «А что же там было? Там – на дороге, в снегу?». Но что я мог сказать ей? Что влюбился по уши, что днями и ночами думаю о ней? Об этом сказать? Ну, уж нет.

Так продолжалось до самой весны. Наступили дни, когда жизнь в посёлке замерла. Весенняя распутица загнала почти всех жителей в дома, и редко кто отваживался, без крайней нужды, выходить на улицу дальше своего двора. Не ходили и лесовозы, опасаясь застрять где-нибудь в дороге и сползти с гружёным прицепом в кювет, из которого и трактором не вытащить. Вот если бы и в школе занятия отменили, думали мы, тогда совсем было бы хорошо. А так приходилось каждый день добираться до школы окольными путями, огибая огромные, похожие на озёра, лужи, выискивая места, где можно пройти, не увязнув в грязи до колен.

Был воскресный день. С утра я задал корове с телёнком сена, вынес поило и на этом покончил с хозяйственными делами. Затем, чтобы меня уже ничто не от-

влекало, быстренько переделал уроки и расположился с книгой у окна в большой комнате – там светлее.

А в доме тепло, топится печь, мама занялась сортировкой рассады на кухне, и оттуда доплывал до меня терпкий запах от растревоженных помидорных листьев. Тоня ушла к подруге готовиться к экзаменам, а Зина сказала, что пойдёт на почту – у неё там какие-то дела. Но это она так говорит, а я, когда таскал сено в стайку, видел напротив нашего дома Ромку Васильева. Наверное, сидят сейчас у кого-нибудь на посиделках и семечки щёлкают. А, что ещё делать в такую погоду?

Вначале я услышал стук в дверь, потом – незнакомый женский голос:

– Здравствуйте, Елизавета Михайловна, а мы к вам.

– Проходите, проходите, – засуетилась мама.

– Извините, что отвлекла вас. Я знаю, вы шьёте, Елизавета Михайловна. Не могли бы вы сшить платье вот этому сорванцу?

– Да вы раздевайтесь и проходите в комнату, там и поговорим.

Послышался шорох одежды, женщина снова заговорила, и в голосе её прозвучали где-то слышанные мною интонации:

– Всё горит, как на огне – прямо беда. Скоро лето, а ей выйти не в чем.

– Что ж вы в грязь-то такую? До лета ещё время есть.

– Так ведь выжила: пойдём да пойдём ...

«Кого это ещё принесло в такую погоду?», – подумал я, и в это время занавески на двери, отделявшие кухню от комнаты, раздвинулись, и вошла тёмноволосая женщина в красивом темно-синем шерстяном платье. Я узнал мать Галки Щиры – видел несколько раз. А следом за ней... Следом за ней вошла и сама Галка.

Если бы в комнате вдруг сверкнула молния, и разразился гром, я не был бы так поражён! Я не поверил своим глазам и зажмурился.

– Что же ты, Коля, не поздороваяешься? – как издалека, донёсся до меня голос мамы. – Что же ты сидишь?

Я отлип от табуретки и, опустив глаза, пробормотал что-то невнятное. Наверное, сумел всё-таки поздороваться.

– Здравствуй, здравствуй, – чистым приятным голосом сказала женщина. – Мне Галя говорила, что вы учитесь в одном классе. Это хорошо. А меня зовут Оксана Николаевна.

Осипшим голосом я назвал своё имя, схватил со стола книгу и боком-боком прошмыгнул мимо неё и Галки на кухню.

Вот так номер! Галка в нашем доме да ещё с матерью! Что им надо? Ах, да – платье шить... Мои мысли смешались, сердце учащённо колотилось – я был в панике. Может, сбегать куда-нибудь? Но куда в такую слякоть? Пометавшись по кухне, я постепенно успокоился. В конце концов, не я к ним пришёл, а они к нам, подумал я и сел за стол. Отодвинув разложенную мамой рассаду подальше к окну, я уткнулся в книгу, но вскоре заметил, что уже в третий раз читаю одну и ту же строчку. Из комнаты доносились голоса: там обсуждали фасон платья, слышалось весёлое Галкино щебетанье. Потом я слышал только мамин голос: «Так... повернись, повернись... Подними руки... О, да ты уже взрослая девочка!... Теперь талию... Ну вот, кажется, всё».

Через пару минут занавески раздвинулись, и в кухню вошла Галка. Я ещё ниже склонил голову, исподлобья наблюдая за ней. Она постояла, качаясь с пятки на носки, потом заложила руки за спину и прошлась по кухне.

– Хорошо у вас, – сказала она. – тепло и уютно.

Я промолчал.

Кухня у нас маленькая: большую часть занимает печь-трёхоборотка и сколоченный из досок топчанчик – моё спальное ложе; обеденный стол придвинут к единственному окну, занавешенному наполовину ситцевыми задергушками. На подоконнике – горшочки с геранью и помидорная рассада. Пол некрашенный, но выскоблен ножом и застлан пёстрыми домо-ткаными дерюжками. Справа от двери – вешалка. Сейчас на ней рядом с нашей одежкой висят Галкино серенькое пальтишко, знакомое мне по школе, и светло-голубой габардиновый плащ. От чужой одежды до меня доходит приятный запах духов – такой же, какой я почувствовал, прошмыгнув мимо нежданных гостей.

Она подошла к столу и спросила:

– Что читаешь?

Так же молча я показал ей обложку книги.

– «Преступление и наказание». Фу! Скуотища! Я начала и бросила. Она у нас дома есть. Думала, о сыщиках, а там... Ты хоть что-нибудь понимаешь?

– Понимаю, – на этот раз я ответил, потому что дальнейшее моё молчание могло быть ею расценено, как верх тупости и трусости.

А с книгой я, как и она, обманулся. Когда выбрал её в библиотеке, Валентина Ивановна, преподаватель литературы, наша классная руководительница и библиотечарь по совместительству, сразу предупредила меня: «Это очень серьёзная и сложная книга, Коля. Не уверена,

что ты её поймёшь. Может, отложишь до будущих времён?». «Я попробую, Валентина Ивановна». – самоуверенно ответил я. Но, прочитав несколько страниц, понял: права была учительница! По несколько раз я перечитывал одну и ту же страницу, пытаюсь вникнуть в суть событий и понять их. Трудно давалось мне это чтение, многое я не понимал, а особенно Раскольникова. Зачем он сам лез на рожон, зачем заигрывал с этим хитройгой Порфирием Петровичем? Сидел бы себе тихо, не высовывался... Непонятно. Однако я не отступал. И, подняв на Галку глаза, повторил:

– Я всё понимаю.

– А я «Госпожу Бовари» прочитала, – с вызовом сказала она. – Ты читал?

– Нет, не читал.

– Зря. Очень интересная книжка. Там про любовь, – она закатила глаза и со вздохом добавила: – Несчастную и трагическую.

– Ерунда всё это. Я такие книги не читаю.

И вдруг её ладонь легла на страницу.

– Не притворяйся, я вижу, что ты не читаешь, – и, наклонив голову, заглянула мне в глаза и вкрадчиво спросила: – Коля, а почему ты меня так ненавидишь?

Я отшатнулся: в прищуренных глазах её мелькали весёлые искорки, хотя лицо выражало неподдельную печаль.

– Тебя!? Ненавижу?

– Да, меня. Ты со всеми девчонками и хлопцами дружишь, а мне только и знаешь, что грубишь. Разве не так?

– Выдумываешь ты всё, – я почувствовал, как краска предательски заливает моё лицо, – Со всеми я одинаково...

– Ты не увиливай, не увиливай! Ты мне прямо скажи...

И тут – мне на спасенье! – в кухню вошли обе матери.

– О чём молодёжь беседует? – спросила Галкина мать, с улыбкой поглядывая на нас.

– О книжках, мамо, – не моргнув глазом, весело сказала Галка. – Коля «Преступление и наказание» читает. Он у нас самый умный в классе.

– Ну, если Достоевского читает, тогда конечно. Вот только не рано ли?

– А ещё он стихи пишет.

Оксана Николаевна с интересом посмотрела на меня. Если бы сейчас к моим щекам поднесли спичку – она бы вспыхнула. В эти секунды я ненавидел Галку. Болтушка! Несёт, что попало... Я всего-то, одно-единственное стихотворение написал в школьную стенгазету к седьмому ноября, и то Валентина Ивановна попросила.

– Вот и бери с него пример, – назида-

тельно сказала Оксана Николаевна. – Потому как, кроме озорства, я в тебе никаких талантов не нахожу. И давай-ка одеваться, нас папа ждёт.

Они оделись, попрощались и вышли. Мама вышла следом – проводить. Но дверь опять приоткрылась, и просунулась Галкина голова. Не переступая порог, она с преувеличенной мольбой в голосе сказала:

– Коля, а ты не ответил на мой вопрос. Я буду ждать.

Точно парализованный, я сидел за столом и моргал глазами.

После их ухода установилась тишина; мирно, со скрипом, тикали на стене ходики с кошачьими глазами. И мне вдруг показалось, что в доме никого и не было: ни Галки, ни её матери, а всё, что произошло несколько минут назад – плод моей фантазии. Однако я опять почувствовал запах незнакомых духов, который ещё не успел выветриться, а это могло означать только одно: гости были и с головой у меня всё в порядке. Вот на этой странице совсем недавно лежала смуглая Галкина рука. Я осторожно положил свою ладонь на то же самое место, но в это время с улицы вошла мама, и я отдернул руку.

– Интересная девчужка, – сказала мама, присаживаясь ко мне на топчанчик. – Боевущая! – Улыбнувшись, спросила: – Тебе она нравится?

Я насупилсь, отвернулся к окну и сказал:

– Мам, может, не надо это платье шить?

– Это почему же не надо? А жить нам на что?

Я ещё ниже опустил голову.

– Ох, сынок, сынок... Тебе не хочется, чтобы я с них деньги брала? – она тяжело вздохнула. – Я понимаю... Ты думаешь, я с легким сердцем беру? Да ведь на отцовскую пенсию нам не прожить, сам знаешь. Вот Катя прислала немного из города, так на Тоню потратили, ей в техникум уезжать – не голой же. – Помолчала и опять заговорила: – Люди стали лучше жить, обновки разные покупают: велики, мотоциклы, материю красивую на платье... Стало быть, деньги лишние появились. А за работу я и так уж самую малость беру – по-божески...

Я посмотрел на маму: она, положив руки на колени, скорбившись, печальными глазами смотрела в тёмный угол за печкой. Какая-то безысходность и надломленность увиделась мне в её позе, и острая жалость к ней, наверное, впервые в жизни, защемила мне сердце. Я ткнул ей лбом в плечё и тихо сказал:

– Только не шей ночами, ладно?

– Не буду, сынок, не буду, – она обняла

меня за плечи. – Уставать стала... Вот вырастешь, пойдёшь работать – и совсем перестану. Девчонки что – отрезанный ломоть, выйдут замуж – и нет их. Вся моя надежда на тебя, сынок. Не бросишь мамку-то, а?

– Не брошу.

Сколько помню себя, столько и помню звонкое металлическое стрекотание маминой швейной машинки «Зингер». Стрекотание это было для нас и колыбельной песней, и будильником...

До войны, пока жив был отец (мама часто рассказывала об этих годах), она шила только для себя и семьи, но, с его уходом на фронт и гибелью, в дом неотвратимо вползала нужда. Попробуй-ка, прокорми четверых! Мама сама научилась кроить, сама придумывала фасоны, и вскоре стала известной на всю округу портнихой. Придёт с работы, управится по хозяйству – и за машинку. Приносили шить платья, кофточка, юбки, а иногда и перелицовывать старые пальто. Снаружи шерстяная ткань вышаркается, выгорит, а с внутренней стороны ещё ничего – вид приличный, носить – не сносить. Приходилось и нам иногда пороть старую одежду, чихая от набившейся за подкладку пыли. После войны пошла дорогая, капризная в шитье, трофейная ткань. Справлялась мама и с ней. Сёстрам повезло: их тряпичные куклы щеголяли в платьях, сшитых из обрезков крепдешина и крепжоржета,

Три года назад мама перестала ходить на работу – её замучил кашель. Ездила в Чулым, районное село, но и там врачи не смогли определить его причину. Вдруг, ни с того ни с сего, накатывал приступ и чаще всего – ночью. Начинался он с покашливания, затем доходил до спазм, до удушья. Испуганные, мы, все как один, вскакивали с постелей. Кто зажигал лампу, кто нёс ковш с водой, кто полотенце и, выстроившись у её кровати, босоногие и полуодетые, с замиранием сердца смотрели на неё. А мамино лицо тем временем багровело сильнее и сильнее, принимая пугающий нас, синюшный оттенок. В коротких паузах она делала глоток воды и опять заходилась кашлем. Так продолжалось минут десять-пятнадцать. Когда приступ заканчивался, она откидывалась на подушку, вытирала полотенцем мокрые лицо и грудь и несколько минут лежала неподвижно. Потом открывала глаза и говорила: «Ну, кажется, всё... Не умру сегодня, не бойтесь... ложитесь спать...». Мы гасили свет и шли к своим постелям, но долго не могли уснуть, прислушиваясь к её дыханию.

До какого-то времени матери для нас

– существа, можно сказать, бесполое и даже безликое. Они есть, они рядом – и этого достаточно. Они – часть нас самих, как жизненно необходимые органы, которые не ощущаешь и не замечаешь, пока те сами не напомнят о себе. И только повзрослев, начинаем понимать, что такое мать и что она для нас значит. Я понял это в тот день, когда увидел её опущенные плечи и пустой, ничего не видящий, взгляд. И ещё я понял, пожалуй, самое главное: теперь уже не она, а я должен быть за неё в ответе.

...В понедельник в школе Галка то и дело поглядывала на меня своими серозелёными глазами и загадочно улыбалась, чего не случалось никогда прежде. Но я старался держаться от неё на расстоянии и совсем не собирался отвечать на вчерашние вопросы.

Последним уроком в тот день была литература. После звонка ко мне подошла Валентина Ивановна и сказала:

– Коля, ты не смог бы задержаться сегодня? В библиотеке скопились не разобранные книги, а мне очень некогда. Поможешь?

Я с радостью согласился. У Валентины Ивановны заболел ребёнок, всю прошлую неделю она менялась уроками с другими учителями и часто убегала домой.

Валентина Ивановна... Небольшого роста, очень подвижная, с тёплым сиянием карих глаз – она была любима всеми: от учеников до жителей посёлка. Несколько лет назад, после окончания педучилища, её направили в нашу школу преподавателем литературы. Многим тогда казалось, что эта хрупкая городская девчонка не продержится в посёлке месяца и сбежит, как уже сбежали до неё. Не сбежала. И печку научилась топить и воду на коромысле носить из колодца, и самое важное – нашла общий язык не только с учениками, но и со всеми, с кем ей приходилось сталкиваться в повседневной жизни. Посмотришь на неё одетую в валенки, в овчинный кожушок, закутанную в шаль по самые глаза, и уже не отличишь от других девчат. А два года назад она неожиданно вышла замуж за весёлого тракториста Пашу Михеева, перейдя дорогу многим его поклонницам. Говорили, что Паша каждую пылинку с неё сдувает и чуть ли не на руках носит. Только когда ему это удавалось, неизвестно. С утра и до вечера Валентина Ивановна пропадала в школе. Помимо уроков, она успевала заниматься с отстающими, выдавать книги в библиотеке, выпускать стенгазету и ещё массу дел, включая почти ежедневное посещение родителей закоренелых двоечников, мотаясь из одного конца посёлка в другой.

Вот такой была наша классная руководительница.

Я собрал в сумку книжки с тетрадками и пошёл за ней. Библиотека располагалась рядом с учительской и занимала небольшое помещенье с одним окном. Вдоль стен до потолка – стеллажи из наскоро оструганных досок; два стола – один у окна, другой у двери. Сейчас они оба завалены книгами, Четыре года назад в библиотеке насчитывалось не более трёх сотен томов, а нынче – едва вмещались на полках! Пользовались библиотекой не только школьники, но и многие жители посёлка.

– Разбери, Коля, по алфавиту и расставь по полкам, – сказала мне Валентина Ивановна, – Впрочем, ты уже знаешь, что к чему.

Конечно, я знал, что нужно делать, так как уже не один раз помогал ей в библиотеке. Иногда Валентина Ивановна уходила по своим делам, оставляя меня один на один с несметными сокровищами. Честное слово, при виде книг у меня начинали дрожать руки. Книги казались мне почти живыми существами; они были безмолвны, но, в то же время, говорили со мной: говорили буквами, словами, строчками. А я в свою очередь беседовал с ними, читая и перелистывая страницы. У меня уже выработалась привычка: ставя книги на место, я ласково поглаживал корешки пальцами – так гладят любимую кошку или собачку. Удручало лишь одно: книг тысячи и тысячи, и живи два века – все их не прочтешь.

Валентина Ивановна передала мне ключ от всячего замка, которым запирали библиотеку, и собралась уходить, но дверь открылась и на пороге появилась Галка. Пальто на ней было не застёгнуто, в руках она держала портфель и белую вязаную шапочку.

– Валентина Ивановна, мама попросила меня взять «Кавалер Золотой Звезды» Бабаевского. Она есть в библиотеке?

– Есть, Галочка. Но извини меня, мне очень некогда. Давай в следующий раз. Хорошо?

– А можно, я Коле помогу, а потом сама найду книгу?

Валентина Ивановна перевела взгляд с Галки на меня, улыбнулась и сказала:

– А вы ссориться не будете? А то я вижу: вас никак мир не берёт.

– Что вы! Мы давно уже не ссоримся, у Коли спросите.

– Ну, что ж, замечательно! Тогда ты будешь разбирать книги по алфавиту, а Коля – раскладывать по полкам. Договорились? А я побежала.

Она быстро вышла, прикрыла за со-

бой дверь, и в библиотеке наступила тишина. Через оконную раму я услышал пошвыстывание весеннего ветра в голых ветках берёз.

Галка подошла к столу у двери, положила портфель с шапочкой на стул, затем повернулась, отвела руки назад и, забавно подпрыгивая на носках, скинула пальто на спинку.

— Ого, сколько навалили! — сказала она, оглядывая груды книг. — Неужели так много читают?

— Думаешь, ты одна грамотная? — не очень дружелюбно сказал я. Приход Галки испортил мне настроение: мало того, что вчера выставила меня перед своей матерью круглым дураком, так ещё и сюда припёрлась.

— А ты опять за своё? — сказала Галка, присаживаясь к столу. — Опять будем ссориться?

— А ты за ответом пришла?

— Каким ещё ответом? — она, вроде как, непонимающе взглянула на меня снизу вверх

— Ну... — я замаялся. — Ты вчера просила ответить.

— А, ерунда! Я пошутила. И я давным-давно знаю ответ.

— Ничего ты не знаешь. Врёшь ты всё.

— А вот знаю. Сказать?

— Скажи.

Она переложила на столе с одного места на другое несколько книг, тряхнула головой и сказала:

— Ладно, сам напросился, — она немного помедлила и, глядя на меня в упор, сказала: — Ты в меня влюбился, но почему такой злой — не могу понять.. Что, не так?

Книга, которую я только что взял со стола, едва не выпала из рук. Я пытался что-то сказать, но лишь беззвучно шевелил губами и краснел, краснел... Галка прыснула в кулак, а потом и рассмеялась.

— Какой ты смешной, Колька! Ну, не смотри ты на меня так!

Она ещё и издевается! Этого я вынести уже не мог. Я положил книгу на стол, вынул из кармана ключ и бросил его перед ней.

— Ну и смейся, — тихо сказал я и пошёл к двери.

Галка выскочила из-за стола, загородила мне дорогу и схватила за рукав.

— Коля, стой! Я же ещё не всё сказала.

— Пусти! — я вырвал руку. — Чего тебе ещё?

— Ты тоже... Ты тоже мне нравишься.

Она открыто смотрела на меня, и я увидел, как по её щекам разливается яркий румянец — такой яркий, что в нём почти растворились её конопушки. Длинные,

изогнутые ресницы вдруг часто-часто затрепетали, и она опустила глаза.

— Теперь и ты можешь смеяться.

Мы стояли друг перед другом и молчали. Даже не знаю, сколько мы молчали — время для нас остановилось.

В романтических книгах я читал: после объяснения, влюблённые непременно заключают друг друга в объятия и сливаются в долгом страстном поцелуе. Но, то в романах. А здесь была школа, тесная коморка, называемая библиотекой, и мы: растерявшийся вихрастый мальчишка в коротковатых штанах и в линялой серой курточке, и девчонка — тоненькая, стройная и напряжённая, как натянутая струна. Какие тут объятия, какие поцелуи! Прикоснуться и то боязно, а о чём-то другом — грешно и думать, не то, что совершить...

Первой пришла в себя Галка. Она вернулась к столу и принялась перебирать книги, затем, подошёл я и стал ей помогать. Некоторое время мы избегали смотреть друг на друга. Но на одной из книг наши руки встретились, мы одновременно отёрнули их, как от оголённых проводов, взглянули друг на друга, улыбнулись, а затем громко рассмеялись. И обоим сделалось легко и хорошо.

Мы бросили разбирать книги по алфавиту, как советовала Валентина Ивановна, а взяв со стола стопку, шли к стеллажам и уже там, перебегая с одного места на другое, раскладывали куда надо. Мы носились по тесной комнате, касаясь друг друга то локтем, то плечом, часто прикосновения эти были совсем не случайны, но нам нравилось, нам хотелось этого. Прикосновения пробуждали в нас ещё не ясные, но волнующие своей новизной чувства.

Мы так увлеклись, что не услышали, как открылась дверь, и на пороге появился школьный истопник и сторож дядя Вася. Это был старик лет семидесяти с седой щетиной на худом морщинистом лице; на одной ноге ниже колена у него был привязан ремнями деревянный протез: он потерял ногу ещё в гражданскую войну. И как мы его не услышали? Он всегда так громко стучит своей деревяшкой, что в классах бывает слышно

— Колька, ты что ли? — подслеповато щурясь, спросил он.

— Я, дядя Вася.

— Никак опять про штрафился? После уроков оставили? А это кто с тобой? Что-то я не припомню... Совсем слепой стал.

— Мы книги прибираем, — я оставил без внимания его последний вопрос. — Валентина Ивановна попросила. Минут через десять закончим.

— Тогда ладно. А то слышу: шебаршит

кто-то... В школе-то уже пусто, запирается пора.

Он ушёл, прикрыв за собой дверь. На этот раз мы отчётливо услышали размеренную поступь его деревянной ноги.

– А я испугалась, – сказала Галка. – Теперь все будут знать, что мы были здесь вдвоём.

– Ну, и пусть знают, кому какое дело!

– Не хочу я, чтобы все знали, что мы с тобой дружим. Навыдумывают всякое... Не хочу.

«Мы с тобой дружим» – эти слова прозвучали в моём сознании чудесной музыкой. Я был на седьмом небе, а, возможно, и выше, от неожиданно свалившегося на меня счастья. Разве мог я ещё вчера предположить, что так стремительно будут развиваться события? Но, в тоже время, не совсем понимал: как мы будем дружить, если дружбу придётся скрывать? Я не собирался, конечно, таскать за ней портфель, как таскал Генка Тимохин за Зойкой Головановой. Он – первый в классе балагур и весельчак – теперь сам подставлялся под насмешки ребят. Зойка, девчонка, конечно, симпатичная, но очень уж капризная и, известная всей школе, слетница. Что ж, видно, любовь и на такое способна. Но мне, после всего, что произошло сегодня, очень хотелось быть ближе к Галке, разговаривать с ней, слышать её быстрый, мягкий говор, обращённый уже не к кому-нибудь, а лично ко мне.

– И, что же мы будем делать? – озадаченно спросил я.

– Не знаю, – она медленно подошла к окну, немного постояла в задумчивости, затем указательным пальцем вывела на вспотевшем стекле «Не знаю». Через минуту круто повернулась и, сияя глазами, сказала: – Давай, будем писать друг другу письма?

– Какие ещё письма?

– Обыкновенные – на бумаге. Ты, что, не писал никогда писем? – В ответ я покачал головой, и тогда она сказала: – Я первая напишу тебе. Здорово я придумала, да? Это же так интересно! Только давай поклянёмся: наши письма – это наша тайна. Никто-никто не должен знать. Поклянёмся?

Я согласно кивнул головой, хотя до конца не понимал, что же из этого может получиться?

На улице заметно стемнело, и в библиотеку сквозь окно потихоньку вползал сумрак. Мы быстренько разобрались с последними книгами и стали собираться домой. Я напомнил Галке, что надо бы поискать «Кавалера Золотой Звезды» для её матери.

– А она у нас есть, – не моргнув гла-

зом, сказала она. – Правда, в «Роман-газете». – И, увидев моё недоумение, легонько щёлкнула меня пальцем в лоб: – Какой же ты, Колька, недогадливый!

По дороге домой мы договорились, что письма друг другу будем передавать в книжках или тетрадках, но так, чтобы никто ничего не заметил. Всё это походило на игру – до конца неясную, но таинственную и волнующую. Как в романах!

Не дойдя до конторы, где жила Галка, мы попрощались. Я смотрел ей вслед и любовался тем, как она, ловко перепрыгивая через лужи, бежала к конторе, где жила их семья. Перед тем, как открыть дверь, она оглянулась и махнула мне рукой.

Опять заморосил дождь, но я не замечал его, Меня переполняли чувства, от которых кружилась голова, а тело сделалось лёгким и почти невесомым. Казалось, стоит взмахнуть руками, и я полечу – полечу высоко, выше серых неприветливых туч до самого чистого неба.

Размечтавшись, я не заметил лужи и набрал полные ботинки. Увидев меня, мама всплеснула руками:

– Где тебя так угораздило! Всю грязь собрал... А ну, марш к печке!

Я ничего ей не ответил и лишь виновато улыбался. Я весь был в ожидании завтрашнего дня.

Мне частенько приходилось вместо Зины разносить по посёлку письма, но сам не получал ни разу. Да и от кого?.. Каким-то будет моё первое письмо? Я был уверен, что Галка напишет его сегодня же, оставалось только дожидаться.

Однако в школе Галка вела себя так, как будто вчера между нами ничего не произошло; она ни разу не взглянула в мою сторону, и во мне зашевелилось сомнение: не посмеялась ли она надо мной? Но на последней перемене Галка подошла ко мне и со словами: «Не разбрасывай тетрадки» – кинула свою тетрадь на мою парту. Я успел заметить в её глазах зелёные искорки и поспешил засунуть тетрадь в сумку. Так началась наша переписка.

Какие бы чувства мы не испытывали в те дни друг к другу, мы никогда не смогли бы высказать их вслух. А на простом бумажном листке быть откровенным оказалось намного проще. И уже в первом письме я узнал то, о чём бы никогда в жизни не догадался. Оказывается, Галка давно обратила на меня внимание, выделив среди других ребят-одноклассников. И случилось это после того, как в самом начале учебного года, когда она только начала учиться в нашей школе, Валентина Ивановна прочитала моё домашнее изложение всему классу.

На урок Валентина Ивановна принес-

ла вырезанную из «Огонька» иллюстрацию Васнецова «Алёнушка» и, приколов кнопками к доске, предложила нам своими словами, кто как сумеет, рассказать о том, что же привело Алёнушку к озеру и о чём она грустит. Почти все в классе, с некоторыми изменениями, пересказали всем известную русскую сказку, и только моё изложение не оставило от сказки даже намёка. Зацикленный на войне и подвигах, я перенёс своих героев за линию фронта в оккупированную немцами деревушку. Брат с сестрой были связаны с партизанами и передавали им нужные сведения. Но предатель-полицай выследил Ваню, и фашисты, поймав его, долго пытали. Мальчишка не сказал ни слова и на утро его должны были повесить. Убитая горем Алёнушка, тайком выбралась из деревни и побежала на поиски партизан. Но заблудилась, вышла к незнакомому озеру и в глубокой печали присела отдохнуть на берегу. Здесь её нашли партизаны-разведчики, проводили к командире, и тот принял решение захватить деревню и выручить брата. Немцев всех перебили, предателя расстреляли, а брат был спасён.

Валентина Ивановна похвалила меня за оригинальное раскрытие темы, посоветовала брать с меня пример и больше давать воли своим фантазиям. Она уже не в первый раз отмечала мои изложения, все привыкли к этому, но на Галку оно произвело впечатление. Но откуда мне было знать?

В том же письме Галка писала, что ей уже тогда хотелось со мной подружиться, она сама много читала, а поделиться о прочитанном, по её мнению, было почти не с кем. Но моя непонятная грубость, и нежелание с ней разговаривать – оставивали её. И только в тот памятный зимний вечер на дороге она многое поняла, но долго не решалась сделать первый шаг.

Я тоже был откровенен в своём первом письме и рассказал о том, как изо дня в день смотрел на неё, как тайком следил за каждым её движением, за каждым шагом, как гадал на ленточках и как переживал, когда она заболела.

В школе мы по-прежнему обходили друг друга стороной, почти не разговаривали и лишь изредка перекидывались короткими взглядами полными значительности и таинственности.

Первые письма были длинными, но постепенно уменьшались, занимая полстраницы, превращаясь в обычные записки, да и те писались уже не каждый день. Так бывает во время грозы: отгремит гром, отсверкают молнии, утихнет ливень, и вместо бурных потоков потекут

медленные ручейки. Иссякали слова, но не иссякали мои чувства – они крепили с каждым днём. Мне очень хотелось быть рядом с ней, смеяться и шутить, как смеялись и шутили мальчишки и девчонки друг с другом на переменах и после школы. Я видел, что и ей этого хочется, но её странное желание хранить всё в тайне сдерживало нас.

Как-то она написала: «Коля, а я, оказывается, ревнивая. Вчера ты объяснял Надьке задачку по алгебре, так она к тебе чуть ли не на колени села. Знаешь, ещё не много и я запустила бы в неё чернильницей. Это плохо, да?». Я читал эту записку на перемене, спрятав под парту, и видел, что Галка исподтишка наблюдает за мной. Встретившись с ней взглядом, я повертел пальцем у своего виска. В ответ она скорчила виноватую гримасу и развела руками: вот, мол, я такая и есть.

Приближались каникулы, и мы уже начали строить планы на лето. Я пообещал привести её на свою заветную клубничную поляну рядом с нашим покосом, где можно было завалиться в траву и срывать спелые ягоды прямо губами. Ещё мы планировали вместе с ребятами сходить на речку, обязательно с ночёвкой, порыбачить и вдоволь накупаться, а ночью, у жаркого костра, когда за его пределами не видно ни зги, с замиранием сердца слушать жуткие истории. Да мало ли, чем можно заняться летом?

Однако планам нашим не суждено было сбыться. Едва закончились экзамены за шестой класс, как мать увезла Галку на всё лето к тётке в Пихтовку. Галка только и успела мне сообщить день отъезда, и, когда я пришёл проводить её, хотя бы издали, она уже садилась в кабину лесовоза. На ней было то самое платье, которое сшила мама – голубенькое в белый горошек.

...За воспоминаниями я едва не просмотрел Дуську: она была готова пройти мимо тропинки к нашему дому, но я успел вовремя повернуть её хворостинкой. У разобранного прясла нас поджидала мама. Ласково похлопывая Дуську по крутому боку, она провела её в денник, а я, вставив жерди на место, прошёл в дом. Там у старенького мутного зеркала с чёрными пятнами по краям, прихорашивались Зина и Тоня, готовясь к вечерке. В ярких ситцевых платьях, сшитых мамой по последней моде, они выглядели просто здорово, а я залюбовался ими. Примерно одного роста, круглолицые, они были очень похожи друг на друга, только у Тони волосы немного светлее, чем у Зины, и в больших серых глазах поменьше бойкости – они у неё с грустинкой.

– Зина, – сказал я, – недавно Ромку видел.

– Ну, и что? – припудривая курносый носик, не оборачиваясь, спросила Зина.

– Сказал, что на вечерку не успеет. Он в рейс пошёл.

– Обойдусь и без него. Подумаешь, потеря!

– Ой, Зинка, довертись! – сказала Тоня и плечом оттеснила Зину от зеркала. – Завтра Ромке всё расскажу.

– Попробуй только! – Зина в свою очередь оттолкнула Тоню. Смеясь и подшучивая друг над дружкой, они ещё несколько минут толкались у зеркала, а потом выскозили на улицу, едва не сбив меня с ног.

– Долго не хороводьте там! Завтра рано на покос, – услышал я со двора мамин голос.

В тёплые летние дни двери в доме не закрывались, а от вездесущих комаров и нахальных мух до самого пола висели занавески. И, вскоре, я услышал, как по цинковому подойнику со звоном, ровно и часто, ударили струи молока: мама принялась доить Дуську. Чудесная музыка!

Утром на покос мы особенно не торопились и, когда вышли, солнце уже пригревало.

– Пусть сено хорошенько обветрится, – сказала мама. – Ночью роса была большая.

Идти до покоса километров пять – не больше. Четыре года назад в той стороне валили лес, потом прекратили, но дорога, хотя и заросла травой, была наезженной. Ею не часто, но всё же пользовались для вывоза заготовленных на зиму дров и сена.

Во всю стрекотали кузнечики; то замирая в воздухе, то стремительно исчезая, сновали, похожие на разноцветные стёклышки, стрекозы; закладывая немислимые виражи, готовые немедленно атаковать, мелькали назойливые пауты и оводы. Слабый ветерок едва шевелил на обочинах дороги цветистое разнотравье. На обратном пути девочки обязательно нарвут букеты из ромашек, колокольчиков, донника и душицы, и вместе с букетами на несколько дней внесут в дом пьянящие запахи поля.

Уже и не помню, сколько раз с начала сенокоса я прошагал по этой дороге туда и обратно. Досталось мне нынче крепко. Приболела мама, а потом и Тоня уехала в город сдавать экзамены. Зина, конечно, помогала, но урывками – с работы, какой бы она не была, не сбежишь.

Косить траву я начал лет с десяти. Дядя Зена обрезал под мою силу литовку, отбил, наточил, приделал косовище и со словами: «Ну, с Богом, мужичёк!» – вру-

чил её мне. А учила её владеть уже мама, она очень хорошо умела косить. «Не опускай носок, веди ровно и пятку, пятку прижимай!», – наставляла она меня, когда непослушная коса втыкалась носком в землю. С первого дня я сразу понял: косьба – по-настоящему тяжёлый, изнурительный труд. Это не Дуську встречать и не грядки поливать, Помню, как на другое утро я едва сполз с постели: ломило руки, плечи, спину, а ноги откладывались идти нормальным шагом и меня всё время куда-то заносило. «Спервоначала у всех так, – успокаивала и подбадривала мама, – Дня через два легче будет». Так оно и вышло. А на следующий год я уже не оставал ни от мамы, ни от сестёр, а ещё через год – начал косить настоящей взрослой литовкой.

Прибыв на место, решили немного передохнуть. Девчата надёргали из копны сена и разлеглись на нём, прикрыв лица платками. Вечера я уснул и не слышал, когда они пришли с вечерки, хотя и читал допоздна. Вот гулеванки!

Мама пошла от копны к копне, щупая руками сено: обсохло после росы или нет. А я, выкинув на чистину спрятанные в траве грабли с вилами, пошёл к рожице, чтобы вырубить четыре жердинки для укрепления вершины будущего стога. Накануне я наметил несколько тоненьких берёзок, но сегодня, подойдя к ним, передумал: уж больно трогательно – беззащитными они мне показались. Им ещё расти и расти, а я на них – с топором. Нет, лучше из тальника что-нибудь подходящее выберу; тальник повсюду, как сорняк, растёт, – его не жалко. Вырубив четыре жердинки, я очистил их от веток до самых вершинок, вынес к копнам и там связал парно.

– И долго вы будете разлёживаться? – подойдя к сестричкам спросила мама нарочито строгим голосом. – Коля, а нука принеси из колодца водички да плесни на них...

– Сейчас, мам, принесу, – сказал я и пошёл обратно, где в низинке, был выкопан небольшой колодец, которым мы пользовались из года в год, постоянно его очищая. Вода в нём, настоечная на корнях трав и кустарников, была желтовато-чайного цвета, но прозрачная и всегда холодная. Там же, на сучке берёзки, висел старый чайник без крышки. Донышком я разогнал по краям напавшие в колодец листья и зачерпнул воды. Напившись прямо из носка до ломоты в зубах, я пошёл обратно.

– Ну, что, мам, плеснуть на них?

– Колька, не вздумай! – подскочила Зина, сдёргивая с лица платок. – Уши надеру! – Потом, гибко потянувшись, встала

на ноги и расшевелила Тоню. – Вставай, сестричка, вставай! Не дают бедным, несчастным девушкам отдохнуть...

Попив воды, они плотно обвязали голы платками, чтобы в волосы не набилась сенная труха, и стали похожи на колхозниц из кинофильма «Трактористы».

Ещё вчера мы наметили, где будет стоять стог и там соорудили самую большую копну, да и другие копны постарались поставить поближе. Мама хотела взяться за вилы, но Зина отобрала их у неё.

– Ещё чего не хватало! Без тебя управимся. Ты, мам, лучше подгребай за нами.

Прикинув, каким по объёму должен быть стог, я черенком вил прочертил окружность. В этом деле я уже достаточно поднаторел, глазомер у меня был неплохой, и стожки получались аккуратными и красивыми.

– За черту сено не валить, – наказал я девчатам на всякий случай.

– Мам, что-то Колька у нас командовать стал много в последнее время, – подмигнул Тоне, сказала Зина.

– Вот увидишь, Зина: он у нас начальником будет, когда вырастет, – поддакнула ей сестра.

– А над вами не командовать – толку не будет, – сказала, посмеиваясь, мама. – Погоняй их, Коля, погоняй, а то совсем от рук отбились.

Мама, конечно, шутила: ни Зину, ни Тоню, ни меня – подгонять нужды не было. Мы давно были научены и приученные к труду. И без крепких мужских рук, привыкли всё делать сами. Хорошо ли плохо, но сами. А иначе нам было просто не выжить. Да разве мы одни такими были...

Работа спорилась, каждый знал, что нужно делать и, примерно, к часам двум (мы ориентировались по солнцу) сметали больше половины стога. Оставалось самое главное и трудное – завершить его. Поэтому решили, немного перекусить и отдохнуть. Молоко, картошка в мундире, малосольные огурчики, пёрышки лука, хлеб – это наш постоянный полевой рацион.

Отобедав, девчонки и мама, прилегли на сене, а мне ни сиделось ни лежалось, и я решил зайти в колок подальше и посмотреть, нет ли грибов. Но и там было сухо: под ногами трещали пересохшие сушья, а прошлогодняя листва издавала жестяные звуки. Сейчас бы теплого обложного дождичка дня на два, подумал я, тогда бы и грибы попёрли, а то с середины июля не выпало ни капли. Кроме нескольких поганок и двух червивых подосиновиков-перестарков, я ничего не нашёл. Ну, да и Бог с ними, нам бы с сеном управиться, а грибы ещё нарастут.

После отдыха я воткнул вилы в стог, по ним забрался наверх и стал как можно тщательнее уминать сено ногам. Не утрамбуешь – осенние затяжные дожди прольют стог насквозь и тогда вся работа пойдёт насмарку.

Солнышко припекало, пот лил с меня ручьями, а сенная труха забивала глаза, ноздри, уши. Рубаха промокла насквозь, липла к телу, и мне пришлось её сбросить вниз. После того, как я покончил с утрамбовкой, Зина с Тоней начали подавать сено. Работа эта не из лёгких. Поднять навильник и закинуть его на вытянутых руках на стог не просто – требуется сила и хорошая сноровка. И, чем выше, – тем труднее. Лица сестёр разгорелись, стали пунцового цвета, и они часто обтирали их концами платков, а платья на спинах пошли тёмными пятнами. Принимая сено, я подтаскивал его граблями к себе и распределял по всей окружности, постепенно – навильник за навильником – сужая вершину. Нужно было сделать так, чтобы стог своей формой напоминал половинку куриного яйца – с крутой вершиной и овальными боками. В этом-то и заключалось умение правильно завершить его.

Работали с небольшими перерывами; мама с девчатами забирались в тень, а мне спрятаться было некуда, и я, привольно развалившись на стogu, заложив руки под голову, вдыхал ни с чем несравнимый запах увядших трав и смотрел на проплывающие в небе редкие облака. Облака плыли на север, в сторону Пихтовки, а там – Галка. Сесть бы на облако, как на ковёр-самолёт, – и к ней. Вот бы удивилась... Интересно, изменилась она за лето или нет? Хоть бы краем глаза увидеть...

Немного отдохнув, мы снова принимались за дело. Стог становился всё выше и выше, и я балансировал уже на небольшом пятке, стараясь не упасть и не завалить вершину. Наконец, я подмял под себя последний навильник и перевёл дух. Ноги дрожали от напряжения, и я лёг на живот, раскинув руки. Не дай Бог, свалиться в последний момент и загубить всю работу. Немного погодя, Зина подала мне связанные попарно жердинки, я осторожно уложил их крест-накрест, чтобы сено не разметало ветром, и только потом съехал на спине на землю. На негнувшихся ногах я отошёл метров на десять и оглянулся. Получилось вроде бы неплохо: макушка строго по центру – не завалилась, крутизна, как и положено, выдержана плавно – дождю не промочить. Словом, стог как стог – не в первый раз. Примерно такой же стоит неподалёку, за ближайшим колком, смётанный нами на прошлой неделе.

– Коль, а тебе можно заниматься сто-

га вершить, – улыбаясь, сказала Зина. – Не у всех так получается.

– Скажешь тоже.

– А что, на кино заработаешь, – сказала Тоня. – Жаль только покос уже закончился.

Все вместе посмеялись, а потом обчесали стог со всех сторон граблями, начёсанное сено подбили черенками под основание и стали собираться домой. А, что там собирать: грабли с вилами на плечи – и вперед!

Настроение у всех было приподнятое: главная и самая трудная работа была сделана, теперь можно отдохнуть и расслабиться, а то я уже не помню, когда в последний раз играл с ребятами.

Немного отойдя от покоса, Зина с Тоней, как я и предполагал, стали собирать цветы, а мы с мамой, ожидая их, приостановились. Я оглянулся назад: издали стог выглядел ещё красивее, и я представил себе, что это не стог, а голова великана в шлеме из сказки «Руслан и Людмила». Для полной картины не хватало самого Руслана на резвом коне и с копьем наперевес. Я рассмеялся собственному воображению.

– Любуешься? – спросила мама. – И вправду, красивый стожок получился. Молодец, Коля.

– Мам, не я же один его ставил.

– Да все вы у меня молодцы. Все...

По случаю окончания покоса, мама решила приготовить праздничный ужин. Ещё утром, пока мы спали, она успела заколоть петушка, чтобы накормить нас настоящим куриным супом с домашней лапшой. Гулять так гулять!

За стол сели уже в сумерках. Сегодня воскресенье, а по воскресеньям в поселковой бане женский день. Пока мама с девочками ходили в баню, я умылся, как обычно, из бочки, полил грядки, капусту и, хотя была не моя очередь, встретил Дуську. Не ходить же Тоне после бани за коровой.

И вот сидим за столом, а на столе в чашках, дразнящий своим ароматом куриный суп; в центре стола – петушок с торчащими вверх голыми обрубками ножек. Чем не царский ужин!

Зина с Тоней, пока суд да дело, успели принарядиться после бани и сидят сейчас – розовощёкие и красивые. Мама тоже красивая, оделась в чистое, и щёки её, тронутые мелкими морщинками, порозовели.

– Я вот что думаю, девочки, – перед тем, как начать ужинать сказала мама. посмотрев на сестёр – Теперь и в нашем доме появился мужчина. А вы как считаете?

– Конечно, появился! Ещё какой! – По-

чти в голос воскликнули Зина с Тоней и, поглядев на меня, заулыбались.

– Времечко-то как бежит... – вздохнула мама. Она неожиданно сникла, сделалась грустной, а потом подняла голову и с тоской в глазах посмотрела на фотографию отца, висевшую на стене в простой деревянной рамке.

– Видел бы Антон Степанович...

Почему-то при нас мама всегда называла отца по имени и отчеству. Голос её задрожал, и она почти простонала:

– Господи! За что?.. За что?..

Её худенькие плечи мелко-мелко затряслись, и по щекам потекли слёзы. Мы затихли, уставясь в стол. Но вот и девочки, припав к матери, заплакали вместе с ней. Я долго крепился, к горлу подкатил удушливый ватный ком, и, не выдержав, я выскочил во двор. Крепко, до боли в скулах, я стиснул зубы, зажмурился и поднял лицо вверх. Мне хотелось завывать – завывать от жалости к маме, к сёстрам, к себе...

Так я простоял несколько минут, сдерживая себя, чтобы не заплакать, но слёзы сами собой потекли из-под плотно сжатых век...

Немного погодя, я рукавом рубахи просушил мокрые глаза и вернулся в дом; все уже успокоились, тихо о чём-то разговаривали, но, пока меня не было, никто к еде не притронулся.

После ужина Зина и Тоня быстро собрались и упорхнули на танцы. Мама, убирая со стола посуду, сказала мне:

– А ты, что сидишь? Всё книжки да книжки, шёл бы погулять. Вот зарядят дожди – тогда и начитаешься.

Я вышел на улицу. Августовские дни стали короткими, уже и сумерки опустились, принеся с собой прохладу, как бы напоминающая, что осень – не за горами.

Может быть, Галка приехала, подумал я, направляясь к танцплощадке, – вот было бы здорово! Я уже соскучился по ней – три месяца доходит, как не виделись. Только навряд ли приехала. Перед отъездом она сказала, что пробудет у тётки до самой школы, а до школы ещё две длинные недели. Скучает ли она? А что, если и там у неё есть дружок? Эта мысль больно скребанула меня по сердцу и в груди как-то нехорошо заняло.

Подходя к танцплощадке, я услышал звуки аккордеона, а это означало, что сегодня у Феди Рябова «вдохновение». Вот здорово! Знаменитый на весь район аккордеонист Федя Рябов, нравился мне, пожалуй, больше других мужиков в посёлке. Было в Феде нечто такое, что отличало его от остальных. Я никогда не слышал, чтобы он матерился прилюдно. Видно, в его сознании не совмещались любовь к музыке и маты. Обладая недюжин-

ной силой, он никогда не вступал ни в ссоры, ни в драки (и такое случалось между мужиками и парнями после получки), хотя мог, шутя, совладать с любым. Мужики, не без зависти, говорили, что ему бы в цирке выступать, пятаки гнуть, а не на лесосеке вкалывать.

Как-то в бане (тогда мне было лет десять) Федя вышел из парилки и присел на лавку рядом со мной. Ото всей его ладной фигуры на меня повеяло жаром и мощью: такие торсы я видел на картинках в книжке о Древней Греции. Сам Геракл сидел передо мной. А как он парился! Когда в парилке он влезал на полку и поддавал жару, мужики горохом сыпались вниз, прикрывая головы венниками. На правой стороне рёбер я увидел у Феде кривой багровый рубец. Увидев мой пристальный взгляд, Федя спросил:

– Красивый? – я кивнул, а он рассмеялся.

– Дурачок ты, Колька. Не хотел бы я, чтобы и тебя такая красота зацепила.

– Чем это, дядя Федя?

– Осколком. Ещё бы немного – и хана...

– Дядя Федя, а можно я его потрогаю, – робея, спросил я.

– Ну, потрогай... – Федя опять засмеялся.

Я протянул руку и пальцами прикоснулся к твёрдому лоснящемуся от пота шраму. А Федя как гавкнет! Я чуть с лавки не слетел с испуга, а он зачерпнул ладонями, точно ковшом, ледяной воды из шайки и плеснул на меня. Я от неожиданности выпучил глаза, слетел с лавки и сиганул в парную. Федя хохотал мне вслед.

Он прошёл войну от Курска до Берлина и привёз с фронта, всем на зависть, единственный трофей – сверкающий перламутром аккордеон. Кто знал его давно, говорили, что до войны Федя не держал в руках даже балалайки. Но мать-природа наградила его исключительным слухом. Часами, просиживая у чёрной тарелки репродуктора или патефона, он терпеливо перебирал непослушные клавиши огромными пальцами, вслушиваясь в мелодии. И вот, не прошло и двух лет, как всем на удивление, подняв голову и устремив взгляд в неведомое для других пространство, он мог сыграть любую музыку: от плясовой до классической. О его таланте прознали в районе и пригласили участвовать в конкурсе художественной самодеятельности. Федя, по характеру очень скромный и застенчивый, долго отнекивался:

– Какой из меня артист? Я так... самоучка.

Уломали Федю и, к всеобщему изумлению посёлка, он привёз из района главный приз – шикарный отрез крепдешина

на платье своей жене Клаве. Федя не загордился своим успехом и почти никогда не отказывался поиграть на танцах или гулянках. Но временами на него нападала зависть. Свадьбы и гулянки давали о себе знать: нет-нет, да и прикладывался Федя к бутылке. Тогда на крыльцо дома выходила Клава, худенькая, миниатюрная женщина, и говорила девчатам, пришедшим на переговоры: «Вы уж извините, девчата, но у Феде сегодня вдохновения нет».

Клава не отпускала от себя Федю ни на шаг – вот уж по истине: куда иголка, туда и нитка. В кино ли, на вечёрки – она рядышком. На танцах Федя играет, а она сидит около и берёзовой веточкой комаров отгоняет.

Как-то, стоя у магазина в очереди за хлебом, я услышал разговор женщин с Клавой.

– Ты бы, Клава, взяла да пришла Фёдора к юбке. Совсем мужику ходу не даёшь – пасёшь, как телка. Смех, да и только.

– Ну, и смеетесь на здоровье. Понадобится, так пришью, – ничуть не смущаясь, отрезала Клава. – Зря, что ли я его два годочка прождала, да после ранения выхаживала? То-то... Баб вдовых полпоселка – мигом подберут.

– Многие и поболее твоего ждали, да так мужиков не позорят.

И кто-то с горьким вздохом добавил:

– Некоторые и по сей день ждут...

Что и говорить, дорожили в те нелёгкие годы бабы мужиками: калека, пьяница, а всё-таки свой мужик – не чужой. А тут такой красавец! Так что Клаву можно было понять. Впрочем, она мало обращала внимания на пересуды и продолжала «пасти» своего Федю.

Вот и сейчас, подойдя к танцплощадке, я увидел в углу на лавке, неразлучную парочку. Федя, привычно устремив взгляд в пространство, нежно перебирал пальцами, теперь уже послушные, клавиши и кнопки, а Клава чинно сидела рядом, сложив руки на коленях, казалось, равнодушно поглядывала по сторонам.

На танцплощадке, под торжественную и в то же время шемкающую мелодию вальса «Амурские волны», кружились пары, остальные, кто в обнимку, кто по отдельности, сидели на лавках. Парни дымили папиросами, и над площадкой, растекаясь в воздухе, слоился сизый дымок. За перилами кучками толклись парни помоложе, среди них я разглядел и Серёжку Кузьмина; тут же, путаясь, под ногами, шныряла вездесущая, совсем ещё зелёная, малышня. Своих одноклассников я увидел на спортивном городке: образовав круг, они играли в «третий лишний».

Галки среди них не было, и я остановился в тени берёз рядом с площадкой, слушая музыку и наблюдая за танцующими. Неожиданно, в одном углу кто-то из девчат тонко взвизгнул, и тут же раздались звонкие шлепки и смех: кому-то из парней крепко досталось по горбушке. Когда я был ещё несмышлёным, каждый раз недоумевал: зачем это парни лезут девчатам за пазуху, что они там потеряли? А когда, повзрослев, узнал, что им там надо, всё равно не мог понять: стоило ли это того, чтобы получить в ответ затрещину? Но ведь лезут же... Вот и Серёжка об этом постоянно талдычит.

Над танцплощадкой, на протянутом от конторы проводе, под жестяным колпаком вспыхнула электрическая лампочка; её тут же облепили легкокрылые, суетливые мотыльки. Молодёжь заметно оживилась, звонче стал смех, а Федя заиграл веселее и громче. А за пределами площадки темнота сделалась ещё гуще, ещё плотнее.

Неожиданно кто-то тронул меня за локоть, и я оглянулся: рядом стояла Надька Шкурихина. Когда успела подойти?

– Здравствуй, Коля, – тихо сказала она..

– Здравствуй.

– А что к нам не подошёл?

– Видишь, Федю слушаю.

– Загордился ты совсем... Никуда не ходишь.

– Некогда. Дел в доме много.

Некоторое время молчали, вслушиваясь в чудесную, льющуюся, словно, с небес, мелодию аккордеона.

– Красиво Федя играет, да? – сказала Надька. – Так бы слушала и слушала...

Я ничего не сказал в ответ, а она вдруг спросила:

– Скучаешь по ней, да?

– По ком это по ней? – я не сразу нашёлся, что ответить и почувствовал, что опять краснею. Хорошо, что темно и не видно. – Чего выдумываешь!

– Брось ты, Коля... Сам знаешь, что не выдумываю. Может, другие и не видят, а я вижу...

Она отвернулась, но я успел заметить блеснувшие в её глазах слёзы.

– Ничего ты не видишь, – сказал я тихо.

Не знаю почему, но мне вдруг стало жалко Надьку. Наверное, и в правду влюбилась в меня... Но я-то, чем могу ей помочь? И я повторил, как заведённый:

– Ничего ты не видишь...

– Всё я вижу, – и даже всхлипнула.

И я сделал шаг, тот самый шаг, о котором впоследствии пришлось очень долго и горько сожалеть. Я шагнул ей за спину, просунул ей руки под мышки и ладонями сжал тёплую, упругоподатливую девчоно-

чью грудь. Надька вздрогнула, оцепенела на секунду, а потом... подалась назад и прислонилась ко мне спиной; я через рубаху почувствовал её горячее вздрагивающее тело. Пять, десять секунд мы так простояли? Не помню... Но вот она чуть-чуть повернула ко мне голову и тихо прошептала:

– Не жми так сильно... Больно.

Я отскочил от неё, точно ошпаренный кипятком. Сердце моё колотилось, глаза заволокло туманом... И, не взглянув на Надьку, я кинулся от неё прочь – в темноту, не разбирая дороги.

Остановился только возле дома. «Что же я наделал! – стучало в голове. – А как же Галка?». Я посмотрел на свои ладони: они ещё помнили – предательски помнили теплоту Надькиной груди, помнили твёрдые комочки её сосочков, помнили всё...

Растерянный и подавленный, я долго сидел на крыльце, не понимая, как такое могло со мной произойти и, что теперь делать?

То ли от прохлады, то ли ещё от чего, но меня охватила дрожь. Я поднялся и вошёл в дом. Мама сидела на топчанчике и что-то шила на руках.

– Раненько сегодня, – сказала она. – Устал, небось?

Я молча кивнул головой.

– Тогда ложись, отдохай, а я в комнату перейду, посижу ещё немножко, – и она стала собирать разложенную на постели материю. – Я сейчас «Любовь Яровую» по радио слушала. Хорошая постановка. Этот Шваньдя совсем меня уморил.

Спектакль этот я слушал несколько раз и знал почти наизусть. А сейчас из репродуктора лилась быстрая, как ручей, скороговорка Вадима Синявского – передавали футбол. В футболе я в то время ещё не разбирался и выключил радио, а, когда разделся и лёг под одеяло, – выключил и свет. Я лежал и глядел в едва белеющий потолок. «А что если взять и всё рассказать Галке, не дожидаясь, когда проговорится Надька? – эта идея меня немного приободрила. – Ну, что я такого сделал? Подумаешь, к девчонке прикоснулся... Все пацаны этим занимаются. Скажу, что пошутил». Однако я сразу отверг эту мысль: Галка в такую шутку не поверит. Тут же вспомнилось её письмо о ревности к Надьке.

Погас свет у мамы, а я всё не мог уснуть, переворачиваясь с боку на бок. Потом пришли Зина с Катей; не зажигая лампы (электричество в посёлке летом давали до одиннадцати часов), они на цыпочках прошмыгнули мимо меня в комнату и долго перешептывались о чём-то своём, загнушая смех подушками..

Говорят, утро вечера мудренее, но оказалось, что поговорка эта не для меня: я и утром ничего путного придумать не смог. И решил: если Галка узнает – отпираться не стану, расскажу всё, как было, а там... Я не стал загадывать.

В конце недели проводили Тоню в город, Мама и девчонки всплакнули немного, как водится в таких случаях, и мы все вместе вышли за ворота. Когда Тоня с небольшим чемоданчиком шла к лесовозу, за рулём которого сидел Ромка, мама перекрестила ей спину и негромко сказала:

– С Богом, доченька...

А Галка приехала всего за три дня до начала занятий. Об этом мне сказал Генка Тимохин, зайдя ко мне вечером:

– Сидишь, как сыч дома, носа не высовываешь, а там Галька Щира приехала.

– Мне-то что, – как можно равнодушной ответил я, хотя внутри словно оборвалось что-то.

– Кончай трепаться, Колька! – Генка расхохотался. – О ваших записочках, наверное, полкласса знает. От Зойки разве что скроешь. Это она вас засекала.

Я стоял и моргал глазами, не зная, что сказать. Вот так номер! Наша конспирация оказалась никуда не годной. Правду говорят: шило в мешке не утаишь. Интересно, как Галка к этому отнесётся? Вот будет ей сюрприз!

– Пойдём на нашу поляну – там сегодня все собираются, – потянул меня за руку Генка. – Давно в лапту не играли.

Пришла ли туда Надька, думал я, шагая рядом с Генкой? А если пришла, расскажет Галке или нет? Обычно девчонки об этом не распространяются, ну, а вдруг – из ревности, назло... И холодок тревоги опять заходил под рубахой.

Надьки я на поляне не увидел и немного успокоился. Надолго ли? А Галка была там и, как всегда – в центре внимания. Она жестикулировала руками, смеялась, и было видно, что она рада встречи с одноклассниками после трёхмесячной разлуки.

Галка увидела нас, глаза её на мгновение вспыхнули знакомыми искорками, но она тотчас отвернулась, как бы не замечая нас. А я подошёл и, зная, что скрывать уже нечего, улыбнулся и сказал:

– Здравствуй, Галка!

– Здравствуй, Кравцов, – как можно равнодушнее и суше поздоровалась она, а в глазах я прочитал: «Сдурел?».

– Ой, ой, ой! – простонал Генка, скрипя рожу. – Могли бы и расцеловаться.

Не рассмеялась только Галка; она растерянно озиралась, переводя взгляд с одного на другого, не зная, что делать и что сказать. Такой я видел её впервые. И

ещё я увидел Зойку Голованову с многозначительной улыбкой поглядывающей на меня. «Вот штучка! – везде всё пронюхает» – подумал я с досадой.

– Не надоело вам в тайны играть? – смеясь, спросил Генка.

– Проболтался? – сузив глаза и сдвинув брови, Галка повернулась ко мне.

Я выдержал её испытующий взгляд и ответил:

– Нет, не проболтался. Я никому и слова не сказал. Честно...

– А как же... – начала, было, Галка, но Генка перебил её:

– Хватит вам, потом разберётесь... Давайте на команды делиться!

Пока ребята делились на команды, мы продолжали стоять на том же месте. Галка ещё не пришла в себя от услышанного, и носком туфли нервно ковыряла землю, а я терпеливо ждал, когда она заговорит. Наконец, она тряхнула головой, подняла на меня глаза и сказала:

– Ну, и ладно... Я сама уже хотела... – И тут же, отменяя всё, о чём думала минуту назад, быстро спросила: – Колька, а ты ждал меня? Только честно!

– Ещё как!

– А я мамке все уши прожужжала: поедем да поедем, а у неё всё дела и дела...

«Если бы ты приехала на недельку раньше, – пронеслось у меня в голове, – тогда бы ничего не случилось».

– Пойдём играть? – отгоняя смутные мысли, сказал я.

– Пойдём... только в одну команду. Хорошо?

После игры, немного отстав от ребят, мы пошли рядышком. Уже стемнело, можно было, не таясь, взяться за руки, и мы взялись.

– Через два дня в школу, – сказала она задумчиво. – Последний класс... Грустно как-то... и, не знаю почему, – тревожно. Папа сказал недавно, что нашу семью ждут перемены, но какие – не ответил. Чтобы ни сглазить, говорит.

– А я слышал, что через год-полтора участок закроют. Может, это?

– Не знаю. Но вряд ли...

Мне показалось, что она что-то скрывает, но не стал расспрашивать. Но вот она опять пристально посмотрела на меня и сказала:

– А ты, Коля, за лето изменился. Не замечал?

– Я в зеркало раз в год смотрюсь.

– Я не шучу. Ты какой-то серьёзный стал и... взрослый.

– Ты тоже изменилась.

– Как?

– Ты красивее стала.

– Скажешь тоже, – она отвернулась, но пальцы мои сжала крепче. – Конопа-

той была, конопатой и осталась... Побежали, а то ребята далеко ушли.

Ребят догнали почти у самой дороги, и, выйдя на неё, попрощались. Я долго смотрел вслед, пока она вместе с другими ребятами не скрылась за поворотом, и всё во мне ликовало и пело. Завтра я снова увижу её, и так будет каждый день. И тревога, снедавшая меня все последние дни, вдруг исчезла, уступив место уверенности: ни что не помешает нашей дальнейшей дружбе. А случившееся неделю назад, сейчас виделось мне не более, чем досадным недоразумением.

Сказав Галке, что она изменилась и стала красивее, я нисколько не лукавил. Её серые, с зелёными искорками глаза стали ещё ярче и глубже, а стройная фигурка, недавно похожая на мальчишескую, потеряла свою угловатость и приобрела мягкие плавные очертания. Я заметил это ещё вначале встречи и был несказанно удивлён такой быстрой перемене.

...В школе наш класс ожидала новость: Серёжка Казаков бросил учёбу. Девчонки, всегда и всё знающие, шептались между собой по углам и многозначительно поглядывали на нас – мальчишек. Но вскоре узнали все. Посёлок – он и есть посёлок, да ещё такой маленький, как наш – любая новость распространяется здесь со скоростью звука.

Оказывается, тётка Варвара прихватила в своей бане Серёжку и, всем известную в посёлке, разбитную молодую вдовушку Ленку Козлову. Ленку она оттрепала за волосы, а Серёжку отвозила вожжами. «Если начал по бабам бегать, – сказала она, – место тебе не в школе, а на лесосеке». Через неделю директор школы Иван Григорьевич сам ходил к Кузьминым (седьмой класс всё-таки!), но тётка Варвара была непреклонна. Она твёрдо заявила: «В школу не пушу – от греха подальше. Профессора из него всё одно не выйдет, а сучки рубить – шести классов хватит».

Несколько дней в посёлке посудачили, посплетничали, и на том всё закончилось. Как-то я встретил Серёжку у магазина, он хлопнул меня по плечу и сказал:

– Привет, кореш! Грызём науку?

В его нагловатых глазах я не увидел даже тени смущения и озабоченности: напротив – он был доволен и весел.

– В школу не тянет? – спросил я его.

– Ну, ты даёшь! Мне эта школа обрыдла вот так! – он резанул ребром ладони по горлу. – В бригаде лучше, там мужики серьёзные. Если припрёт, можешь к нам приходиться – ты справишься.

– А ты что, бригадир?

Серёжка хохотнул:

– Пока ещё нет...

На освободившееся место за моей партой сразу же пересела Галка, и теперь мы сидели рядышком, локоть к локтю, плечо к плечу, склоняясь над одним и тем же учебником, хотя у каждого были свои.

И только присутствие в классе Надьки делало моё счастье (я действительно считал себя в те дни самым счастливым человеком) совсем не безоблачным. Оно готово было в любой момент лопнуть, как лопаются переливающийся всеми цветами радуги мыльный пузырь.

Но, как же я ошибался в Надьке!

На большой перемене, когда Галка куда-то выскочила из класса, она подошла ко мне и тихо сказала:

– Я вижу, как ты на меня смотришь, но ты не переживай, Колька... Я ей ничего не скажу. – Она тут же отвернулась и ушла, пряча глаза.

– Спасибо, Надя, – тихо сказал я ей в след, но не был уверен, что она услышала меня. И ещё до меня неожиданно дошло: наверное, впервые я назвал её не Надькой, а Надей. Мне стало так стыдно, что я готов был провалиться сквозь землю и больше не появляться на этом свете. Надя оказалась великодушной меня.

Однажды Галка перед началом уроков вытащила из портфеля книгу и протянула мне:

– Совсем забыла... Я ещё в Пихтовке её купила. Смотрю: стихи... Ты же их любишь?

Я кивнул и взял книгу. Бледно-голубая обложка, берёзовые серёжки по всему полю и имя автора: Сергей Есенин. Я читал Твардовского, Ошанина, Щипачёва и других известных поэтов, но это имя мне встретилось впервые. Я повторил его ещё раз, но уже вслух: – Сергей Есенин... Както светло и чисто прозвучало эти два слова, и мне почудилось: свежий осенний ветерок прошелестел по классу...

– Хорошо, – сказал я. – Прочитаю – сразу верну.

– Нет, это подарок, – и, не принимая моих протестов, Галка сама затолкала книгу в мою сумку.

Дома я открыл книгу... и забыл про всё на свете. Если бы не выключили свет, я читал бы до самого утра. И утром – ни свет, ни заря – вскочил, помог маме по хозяйству, наскоро переделал уроки – и снова за книжку. Есенинские стихи потрясли меня: ничего подобного я ещё не читал. Временами я вскакивал и, сунув книгу под мышку, ходил по комнате шепча слова, легко и глубоко западающие в душу. За три дня я перечитал эту волшебную книгу несколько раз, запомнив почти без усилий едва ли не половину стихотворений. Те стихи, которые взволновали меня больше всего, я заложил закладками, вырезан-

ными из обрезков ткани оставшихся от Галкиного платья – голубенького в белый горошек.

На уроке я передал Галке книгу и шёпотом сказал, чтобы она прочитала стихи отмеченные мною.

– Тебе они тоже понравятся, – и с угрозой добавил. – Не понравятся – поколочу.

– Ещё посмотрим, кто кого, – рассмеялась она.

Под крышкой парты Галка открыла книгу и ойкнула.

– Это же от моего платья!

– Ну да, из обрезков, – немного смутившись, сказал я, и Галка одарила меня понимающим взглядом, потом шепнула: – Мне бы тоже не мешало что-нибудь такое...

– Ладно. Сейчас оторву от рубахи полосу. Пойдёт?

Галка не выдержала и громко прыснула. Все оглянулись на нас, а учительница погрозила указкой и пообещала рассадить нас, если ещё услышит, что мы шепчемся. Мы притихли.

Через некоторое время Галка открыла книгу и стала читать. Мне было интересно наблюдать за ней, за её реакцией. Почувствует ли она то, что чувствовал я, читая пронзительные, непостижимо каким образом сложенные в строки, слова. Мы говорим и слышим их каждый день и не задумываемся об их предназначении. И вдруг находится человек, который волшебным образом превращает те же самые слова в песню и музыку.

Я увидел, как вспыхнули румянцем Галкины щёки, и вот уже что-то неслышно шепчут губы... Я не ошибся: её, как и меня, завораживают стихи. Неожиданно она откинулась на спинку парты и прошептала:

– Не могу сейчас... Их надо читать одной, чтобы никто не мешал. И вслух.

Через два дня она принесла книгу и сказала:

– Жаль, фотографии нет. Он должен быть очень красивым, верно?

– Да, – согласился я и поразился её неожиданному выводу. – Он должен быть красивым.

Наша дружба с Галкой развивалась, как говорится, по– нарастающей. Мы не то что были неразлучны – такое между мальчишкой и девчонкой просто невозможно, но там, где было возможно, мы старались держаться рядом. Помогали Валентине Ивановне выпускать школьную стенгазету, участвовали в художественной самодеятельности (Галка хорошо пела украинские песни, а я, осмелев, не без её влияния, читал стихи), бегали на лыжах, ходили в кино. Иногда днём она приходила к нам домой, и мы до самой

школы делали уроки или читали книги. Вначале она смущалась, держалась скованно, но вскоре освоилась и уже стала называть маму: «тётя Лиза». И меня звала к себе в гости, но я решительно отказывался.

В школе ребята и девчонки иногда подтрунивали над нами, малышня кричала вслед «жених и невеста», но мы не обращали на них внимания. А это самый лучший способ избежать насмешек. Раз посмеются, два, но увидят, что бесполезно и прекращают. Нам было хорошо, а остальное нас не волновало.

Меня даже не пугал и нисколько не расстраивал тот факт, что после окончания семилетки мы все, за исключением немногих, разъедемся в разные стороны. Я говорил себе: разве мы будем жить не в одной стране? Ходят поезда, летают самолёты, есть почта, наконец, – всё это есть, и мы обязательно встретимся, сколько бы лет ни прошло, и где бы мы ни оказались. Я не сомневался, что и Галка думает точно также, хотя об этом мы с ней ещё не говорили.

Но то, что вскоре случилось, не могло мне присниться даже в самых страшных кошмарах.

Однажды, придя в школу, я не увидел среди ребят Галку. Она вошла в класс перед самым звонком, ни на кого не глядя, молча села на своё старое место впереди меня и словно окаменела. Округлив глаза и раскрыв рты, все с изумлением уставились на неё. А меня от головы до пяток словно током прошло, и я сразу понял: случилось самое худшее из того, что могло случиться – она всё узнала. Но как? От кого? Кто мог рассказать ей? Я сидел сжавшись в комок, безуспешно пытаюсь найти хоть какое-нибудь объяснение в своё оправдание, но ничего не находил.

Когда закончился урок, Галка подошла ко мне и, глядя поверх головы, тихо, но твёрдо сказала:

– Пойдём со мной.

Я встал и на негнущихся ногах покорно пошёл за ней. Класс притих, и я затылком чувствовал устремлённые на нас десятки глаз.

Она привела меня в раздевалку, куда редко кто заглядывал до конца уроков, и остановилась. Потом повернулась ко мне и, почти не разжимая побелевших губ, спросила:

– Ты летом целовался с Надькой? Это правда?

– Галка! – я хотел сказать, что никогда не целовался с Надькой, но тут же умолк. То, что я сделал там – под берёзами – было, пожалуй, хуже поцелуя. И я опустил голову.

– Значит, правда... Эх, ты... – она брезгливо скривила губы и сказала: – Верни мне книгу... Предатель!

– Галка! – я сделал попытку остановить её.

– Не подходи... ударю.

Вот и всё. Подо мной разверзлась бездонная пропасть, и я летел, летел в холодную бесконечную пустоту, не пытаясь даже сопротивляться...

Почти ничего не сообщая, я вернулся в класс, вынул из сумки томик Есенина, который всегда таскал с собой, и положил его перед Галкой; она не шелохнулась. Ребята в недоумении переглядывались, девчонки о чём-то шептались, но никто не сказал ни слова, понимая, что между нами произошло нечто серьёзное. Учительница, войдя в класс, удивилась:

– В вашем-то классе – и такая тишина... Ну и ну.

Не знаю, как я смог просидеть до конца уроков. Если бы меня вызвали к доске, я не сумел бы вымолвить ни слова. Но, обошлось. Придя домой, я, молчком, упал на свою лежанку и, уткнувшись головой в подушку, едва не заскулил от бессилия, что-то изменить и поправить.

На следующий день, по дороге в школу, меня перехватила Надька и взволнованно сказала:

– Коля, клянусь, я ничего ей не говорила! Не веришь? Вот честное комсомольское! – и для убедительности исто-во перекрестилась. – Не знаю, кто мог это сделать...

Я ей, почему-то, сразу поверил. Да и какая разница, кто и что рассказал Галке? Одно я знал наверняка: Галка не простит. И винить, кроме самого себя, мне было некого.

Потянулись дни похожие на пытку. Я входил в класс, садился за парту и сидел за ней до последнего звонка, почти не выходя на перемены. Когда вызывали к доске, я что-то сбивчиво и путано отвечал, не поднимая глаз, и, точно пьяный, задевывая парты, возвращался на место. Моя успеваемость покатила по наклонной: журнал запестрел тройками, а вскоре появились и двойки. Забросил я не только учёбу, но и книги. Немного отвлекала работа по дому, но какая работа зимой? Наколоть дрова, почистить в стайке у Дуськи с телёнком, да натаскать из колодца воды – вот и всё. Остальное время валялся на топчанчике, держа в руках книгу, для отвода глаз, или слушал, не слыша, радио. Мама, видно, понимала, что со мной происходит неладное и уже несколько раз спрашивала: почему Галя перестала к нам заходить? Я отмалчивался, и она, вздыхая, отступалась от меня. Зина, видимо, разузнала что-то о девчонках, и од-

нажды, когда мамы не было дома, подсе-ла ко мне и, со свойственной ей прямотой, сказала:

– Из за какой-то вертихвостки и так расстраиваться... Брось ты, Колька! Ты же такой парень – свисни и за тобой табун девчат побежит.

– Она не вертихвостка. И мне никто не нужен, – сказал я.

– Ну, как знаешь...

Вначале я упивался жалостью только к себе, считая себя самым несчастным человеком на всём белом свете, но изо дня в день, глядя на сидящую впереди меня Галку, я начал понимать: ей ничуть не лучше, а, возможно, и хуже, чем мне, – это её предали. Она заметно изменилась: редко был слышен её смех, появилась, не свойственная ей, сдержанность, правда, учиться продолжала ровно, без срывов.

Всё, вместе взятое, делало мою жизнь в школе почти невыносимой. У меня мелькнула даже мысль: не бросить ли школу и – на лесосеку. Как Серёжка Кузьмин. Она не будет видеть меня, я – её, и, вскоре, всё забудется... Но, я тут же отбросил её: мама ни за что не позволит бросить школу, а против её воли я не пойдю.

Между тем мои дела в школе шли хуже и хуже. Учителя не могли понять, что со мной произошло, стыдили и читали нотации. Наконец, Валентина Ивановна, как-то в конце последнего урока подошла ко мне и сказала:

– Коля, задержишься ненадолго, мне надо с тобой поговорить.

Закрыв за последним учеником дверь, Валентина Ивановна присела рядом со мной.

– Я не стану тебя упрекать и ругать за плохую успеваемость: сам знаешь – это не достойно тебя. Теперь о другом. Вижу: между тобой и Галей что-то произошло, но ты ведёшь себя не по-мужски. Ты просто раскис и, извини за грубость, превратился в мокрую курицу. Пойми, Коля, жизнь на этом не заканчивается – она у тебя только начинается, и впереди будут испытания намного тяжелее, поверь. И к ним надо готовиться уже сейчас. Ты слушаешь меня? – я кивнул, она помолчала, потом обняла меня за плечи, как обычно обнимала мама, и сказала: – У тебя есть способности, Коля. Ты должен учиться и обязательно продолжать своё образование. В городе, куда ты собираешься уезжать, есть вечерние школы, техникумы и можно учиться после работы. Ты согласен со мной? А с Галей вы ещё помиритесь, вот увидишь.

Я молча покачал головой

– Так серьёзно?

Я кивнул.

– Тогда не знаю... В этом вы сами должны разобраться. А сейчас для тебя самое главное – учёба.

И до разговора с Валентиной Ивановной я понимал, что вечно так продолжаться не может и надо взять себя в руки, но инерция набрала ход, и я не мог остановиться. Но жёсткие и справедливые слова учительницы встряхнули меня, заставили задуматься.

Недавно мама назвала меня мужчиной... Какой там мужчина! Хлюпик и слюнтяй – вот я кто. Нитьё и самобичевание не помогут мне, если я надеюсь заслужить прощение у Галки. Я должен, я обязан стать лучшим из всех в классе, лучшим во всём. Не каменная же она, в конце концов...

Я с удвоенной энергией принялся за учёбу и, вскоре, исправил свои тройки и двойки. Я опять стал засиживаться за книгами допоздна, а стихи Есенина, которые помнил наизусть, переписал в отдельную тетрадку. После всего, что случилось, его стихи по-новому зазвучали для меня, переключаясь с моими горькими мыслями и переживаниями. А потом и сам, подражая своему кумиру, сочинил несколько стишков. Одно из них мне понравилось, и я показал его Валентине Ивановне – своему ангелу-хранителю:

Белые сугробы,
чёрные дома.
От земли до неба
снега кутерьма.
Замело по крыши,
не видать дорог,
воробей под стрехой
съёжился, продрог.
В низеньком оконце
огонёк погас,
спит моя деревня
в этот поздний час.

Она прочитала и внимательно посмотрела на меня:

– Это уже кое-что. Молодец, Коля. Давай пошлём его в «Пионерскую правду»?

– Так я уже комсомолец. Нас недавно приняли.

– Ну-у-у, вы ещё от пионеров не очень далеко ушли, – но, заметив, что я обиделся, она рассмеялась. – Как хочешь... Но в новогоднюю стенгазету мы его обязательно поместим.

Газету вывесили в актовом зале, но уже через два дня моё стихотворение кто-то аккуратно вырезал бритвочкой.

– Видишь, у тебя уже поклонники появились, – пошутила Валентина Ивановна и лукаво улыбнулась. – Ты не знаешь, кто бы мог это сделать?

Я пожал плечами, хотя и догадывался, кто мог быть почитателем моего «творчества». Во всяком случае, мне

очень хотелось, чтобы догадка моя была верна.

Я где-то вычитал, что время – лучшее лекарство от многих болезней. Особенно таких, как моя. Проходили дни, и острота переживаний постепенно смягчалась – оставалась тихая ноющая боль. Иногда мне казалось, что Галка смотрит в мою сторону, но подняв глаза, только и успевал заметить ускользающий равнодушный взгляд.

Подходил к концу учебный год и на «семейном совете», заметно поредевшем после отъезда Тони, мы сообща решали, что мне делать после окончания школы. Выбор, собственно, был не велик: или поступать в техникум, как это сделала Тоня, или идти в ремесленное училище. Первый вариант, после некоторого размышления, отпал: нашей семье иметь на шее двух студентов – непозволительная роскошь; второй – устраивал всех: бесплатное обмундирование, питание и самое главное – общежитие. Из нашего посёлка многие учились в ремесленных училищах. Приезжая на каникулы, они форсировали перед нами в чёрных шинелях с блестящими пуговицами и выпали неизвестными словами: «шпиндель», «суппорт», «подача». А девчонок называли странным и каким-то некрасивым словом – «чувиха». И мне очень захотелось узнать значение этих таинственных слов.

Экзамены прошли, как говорится, без сучка без задоринки – в моём свидетельстве за седьмой класс не было ни одной тройки. На общешкольной линейке свидетельства вручал Иван Григорьевич. Все уже знали, что и он покидает посёлок: районо предложило ему пост директора десятилетки в одном из больших сёл района. И сейчас он, как бы, прощался с нами.

Перед отъездом в город у меня оставалась неделя в запасе и, чтобы скоротать время, я решил заменить подгнившие ступеньки крыльца. Тюкая топором, я заметил, что мама пришла из магазина с хлебом и остановилась у меня за спиной.

– Щиры уезжают, – тихо сказала она, – Уже и машину подогнали.

Топор выпал из рук и звякнул на сухой доске. Я ждал этой минуты, ждал сразу же после окончания школы, и всё-таки она застала меня врасплох. Ни слова не сказав, я вышел за ограду и, загребая пыль ослабевшими ногами, поплёлся к конторе. Сердце то замирало, то гулко ухало в груди, не хватало воздуха.

У конторы толпились провожающие. Чуть в стороне, с ребятами и девчонками, стояла Галка. Разговаривая с ними, она поглядывала по сторонам, словно ждала кого-то. Я остановился неподалёку –

не хватило решимости подойти ближе. Кто-то тронул Галку за руку и показал в мою сторону. Она оглянулась и быстрым шагом пошла ко мне. Неужели ждала?.. Подойдя, остановилась и коротко взглянула на меня; в одной руке у неё был бумажный пакет, перевязанный тесёмкой.

– Думала, ты не придёшь.

Спазм сдавил мне горло, и я, едва слышно, сказал:

– Вот... пришёл.

– Мы, наверное, больше не увидимся, – ей, как и мне, с трудом давались слова. – Мне жалко, что у нас всё так получилось. Надя сказала, что ты с ней... из жалости. Может, я дура – не знаю... Но я не смогла по-другому. Прости.

– Это ты меня прости, – я тупо смотрел в землю, а в глаза – точно песком сыпанули.

– Галя! Ты где? – от машины донёсся голос её матери. – Уже пора, скоро поедем.

Я вздрогнул и поднял голову. Она протянула мне пакет и сказала:

– Это твоя книга – Есенин. Говорят, подарки назад не берут.

– Спасибо... А у меня ничего для тебя нет...

– Есть, – она как-то вымученно улыбнулась. – Это я вырезала твоё стихотворение.

Её позвали ещё раз. После некоторого колебания, словно, она ещё хотела что-то сказать мне, но передумала, быстро повернулась и побежала на зов матери...

На полпути Галка всё же оглянулась и крикнула:

– Прощай, Коля!..

Много позже я узнал, что их семья, вместе с другими такими же семьями, в конце войны была сослана из Западной Украины в Сибирь и прожила в нашем леспромхозе больше десяти лет. И в тот, памятный для меня день, они возвращались к себе на родину – домой.

Через неделю и я поехал в город, правда, ненадолго. Мы с мамой договорились, что, как только поступлю в училище, сразу вернусь домой, чтобы до начала занятий успеть заготовить дрова и сено.

Из класса нас уезжало человек шесть и среди них были Генка Тимохин и Надя Шкурихина. Генка решил поступать в речное училище: он грезил кораблями и морем и хотя Обь – не море, как он говорил, но воды много, и форма в училище почти моряцкая. Надя ехала к своей тётке до Чулыма, где будет учиться на медицинскую сестру, и какое-то время ей с нами было по пути.

До железнодорожной ветки, соединяющей Пихтовку с главной магистралью,

мы выехали из посёлка на открытом грузовике, много шутили и смеялись, опьянённые свободой и ощущением новой жизни.

На крошечной станции, насчитывающей десятка два домиков, примерно через час, пересели в классный вагон (всего их было три), прицепленный к составу с лесом.

Вагон был старый, с потемневшей от времени обшивкой и деревянными полками – не иначе сделанный ещё при царе Горохе. Закопчённые узкие окна мало пропускали света, не открывались из-за перекося, и в вагоне было душно. Я повесил небольшую котомку со сменой белья и обедом на крючок рядом с полкой и вышел в тамбур.

Дверь в вагон оказалась незапертой, я открыл её и сел на ступеньку. Поезд тащился так медленно, что можно было прыгнуть на землю, прогуляться вдоль насыпи и вернуться обратно. Железнодорожная колея, проложенная через болота, по всей вероятности, местами просела, и вагон мотало из стороны в сторону. Смотреть особенно было не на что, но и на полке лежать не хотелось. На душе было немного тревожно: впервые в жизни я оторвался от дома. Мама с Зиной весь вечер наставляли меня, как и что делать по приезде в город, на какой трамвай садиться и на какой остановке выходить. Катин адрес, для верности, написали на бумажке, и я положил его в карман, пришитый мамой к внутренней стороне рубахи; там же находились, заколотые булавкой документы для поступления в училище.

В тамбур вышла Надя и, подстелив газету, присела рядом. На ней было цветастое красивое платье с пояском и коротким рукавом, а на ногах – новенькие коричневые туфельки с белыми носочками. В этом наряде она выглядела намного красивее, чем обычно. Вагон раскачивало так, что наши плечи постоянно сталкивались. Я молчал и смотрел на то, как причудливо меняют свои формы кучевые облака, медленно плывущие по небу вслед за поездом.

– Душно в вагоне, – прервала молчание Надя. – Поднялись-то рано, ребята спать завалились, а я не смогла... Коля, а ты на кого хочешь учиться?

– Пока не знаю, там видно будет.

– Вот и разъезжаемся все... Грустно как-то. Может, и не увидимся больше.

– Наверное...

– А ты рад, что уезжаешь?

– Я ещё вернусь недели через две.

– А я – насовсем.

Мы опять надолго замолчали, под су-

дорожное скрипение старенького вагона думали каждый о своём.

– Ты всё ещё тоскуешь по ней? – спросила Надя, наклоняясь и заглядывая мне в лицо.

– Надя, хватит об этом.

– Мне интересно... Что ты в ней нашёл? Худющая, конопатая...

«Ты забыла назвать, – подумал я, – бездонные глаза с зелёными искрами, пушистые ресницы, улыбку, которая освещала не только её лицо, но и всё вокруг. И ещё многое, многое другое...». Но я не стал говорить об этом вслух – это останется при мне. А на её вопрос только пожал плечами.

– А знаешь, Коль, – опять начала она, – я даже расплакалась, когда вы прощались. Честное слово. Это же из-за меня... Мне было жалко и её, и тебя... Да и себя тоже.

Я посмотрел на неё: нервно теребя поясик платья пальцами, она смотрела уже не на меня, а куда-то далеко-далеко. Что она там видела?..

– Ты, Надя, хорошая девчонка, – сказал я. – Правда, хорошая.

– Толку-то... О! – она вдруг оживилась. – А я знаю, кто Гале рассказал о нас. Это Зойка Голованова, сама призналась. Ты ведь знаешь, какая она сплетница! Ей, видишь ли, больно стало смотреть, как я страдаю... Взяла и рассказала. Щиру-то

она с первого дня невзлюбила. А подсмотрела, когда я к тебе пошла.

– Чего уж теперь... А тебе я сразу поверил.

– Спасибо.

И мне опять стало жаль её почти как в тот раз.

– Надя, там под берёзами... я тебе, наверное, больно сделал, да? Прости если что...

Она в недоумении уставилась на меня, а потом, уткнувшись лицом в колени, тихо и долго смеялась.

– Ох, и глупый ты ещё, Колька! – сквозь смех сказала она. – Какой ты глупый! Неужели ты думаешь, что только вам мальчишкам это приятно? – она протянула руку и взъерошила мои волосы. – Эх, ты – уха-жёр!

Надя поднялась, ещё раз одарила меня своей белозубой улыбкой и ушла в вагон. Газетный листок, на котором она сидела, подхватил ветерок, поднял ввысь и тут же бросил под колёса поезда.

Это был наш последний с Надеей разговор и больше мы ни разу не встретились.

А вагон скрипел и раскачивался, и поезд, хотя и медленно, но, километр за километром, преодолевал свой трудный путь, увозя нас в далёкое и неведомое будущее, называемое жизнью.

Автор о себе

Валерий Степанович Крылов. Год рождения – декабрь 1941. По трагическому стечению обстоятельств, в том же месяце на фронте погиб мой отец. Детство прошло в посёлке лесорубов. После окончания семилетки – ремесленное училище. Потом три года армии. Ещё до армии успел закончить восьмой класс. После демобилизации пошёл в вечернюю школу – очень хотелось учиться. Даже удалось поступить в НГУ в Академгородке. 13 человек на место да ещё после «вечёрки» – это, поверьте, не просто. Учился на историческом отделении гуманитарного факультета. После второго курса неожиданно умерла сестра (29 лет!), и у неё остался сынишка, а отец был, как говорится, в бегах. Встал вопрос: или отдавать мальчишку в детдом или забирать к себе. К тому времени я был уже женат. Я выбрал второй вариант, взял академический отпуск и пошёл работать на завод. Пытался устроится на заочное (в НГУ его не было), ездил в Томск, в Свердловск, но бесполезно. Так и пришлось жить недоучкой. Работал я токарем-универсалом на заводах Новосибирска до 2010 года.

В нашей семье всегда царил культ книги, и я с детства пристрастился к чтению. Любимые поэты: С. Есенин, Н. Рубцов, Н. Заболоцкий, В. Фёдоров... Писатели: Чехов, Куприн, Белов, Астафьев и др.. Сейчас живу в Ленинском районе Новосибирска.